

Гробница Мамаю.

Изъ Софійской лѣтописи *) мы узнаемъ, что въ то время, когда Мамай разбитый в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на рѣкѣ Непрядвѣ „прибѣжа въ землю свою въ малѣ дружинѣ, видя себе бита и побѣждена и посрамлена и поругана, собра остаточную свою силу еще въ схотѣ итти изгономъ на Русь. И сие прииде къ нему вѣсть, что идетъ на него нѣкій царь съ вѣстока именемъ Тактамышъ изъ Синіе орды. Мамай же поиде противу его и сѣтошася на Калкахъ и бысть имъ бой и царь Тактамышъ побѣди Мамаю и прогна его... Мамай же гонимъ сый, бѣгая предъ Тактамышыневыми гонители и прибѣже близъ города Кафы и сослася съ Кафинци по докончанію и по опасу, дабы его пріяли на избавленіе, дондеже избудетъ отъ всѣхъ гонящихъ его; и повелѣша ему и прибѣжа Мамай въ Кафу со множествомъ имѣнія, злата и серебра, Кафинци съвѣщашася и сотвориша надъ нимъ облесть и ту отъ нихъ убіенъ убо бысть-такъ конецъ безбожно-му Мамаю...”

Этого достаточно, чтобы допустить вѣроятность могилы Мамаю въ окрестностяхъ теперешней Оеодосіи. Если-же мы примемъ въ расчетъ существованіе невдали отъ Старога Крыма деревни, именуемой Шахъ-Мамай, то какъ-то невольно вѣрится въ лѣтописное сказаніе. Жаль только, что въ татарскихъ теварикахъ объ этомъ событіи не упоминается ничего и не существуетъ положительныхъ доказательствъ въ видѣ надписей и надгробныхъ камней. Правда одинъ татаринъ указывалъ мнѣ на курганъ, какъ на могилу Мамаю, но подобныхъ кургановъ на этой мѣстности такое множество, что при всей охотѣ повѣрить, выпадаешь въ сомнѣніе. Вслѣдствіе чего мы начали прислушиваться къ полумиѣстическимъ преданіямъ, въ предположеніи найти хоть въ нихъ какой-либо намекъ на это важное событіе, Богъ вѣсть почему отторгнутое татарами Крыма отъ своихъ записей. Вотъ все что мы нашли подходящимъ къ этому происшествію.

„Въ нашей странѣ въ глубокой древности появился одинъ батырь (богатырь), который нѣкогда господствовалъ надъ половиною міра и хотѣлъ во что-бы ни стало завладѣть остальною его частью, чтобы сдѣлаться вторымъ послѣ Бога и владѣть всѣми сокровищами земли.“ Тогда только я буду спокойно спать—говорилъ онъ—тогда только не будутъ беспокоить меня различныя прихоти и желанія, которыя могутъ быть доступны одному хозяину на землѣ—когда все будетъ мое.“

Слова эти онъ никогда не произносилъ съ предварительнымъ призывомъ имени Аллаха на томъ вѣроятно основаніи, что не имѣлъ болѣе надобности въ помощи Творца неба и земли и потому что ему удавалось всякое предпріятіе съ мечемъ въ ру-

*) См. VI т. полного собранія русск. лѣтописей изд. археограф. комиссіею въ 1853 г.

кахъ. Однажды, сидя въ раззолоченномъ шатрѣ своемъ, онъ позвалъ къ себѣ проходящаго мимо дервиша и спросилъ у него: какъ великъ Божій міръ и сколько надо времени могущественному царю, чтобы побѣдить его?

— Нашъ міръ не имѣетъ конца—отвѣчалъ служитель Аллаха и вопросъ твой не кстати предложенъ мнѣ. Мнѣ хотѣлось-бы знать кто этотъ дерзкій, который желаетъ присвоить себѣ власть Божию.

— Это я!—отвѣчалъ шахъ.

— Какой же ты думаешь дать отвѣтъ Богу на судъ его за такое желаніе?

— Для Аллаха я думаю нѣтъ надобности вмѣшиваться въ чело-вѣческія дѣянія: у него есть свое царство ангеловъ и джиновъ.

— Шахъ богатырь, ты произносишь хулу и это не пройдетъ тебѣ безнаказно, если ты не покаешься—сказалъ дервишъ.

— За меня обязаны молиться мои подданные, которымъ я даю средства къ жизни и сберегаю ихъ отъ обиды. Такія заслуги должны высоко цѣниться и на небѣ.

— Ты это дѣлаешь только для своей пользы, если мечтаешь покорить своей власти весь міръ: О, берегись гнѣва Божія, который можетъ внезапно наслать на тебя ничтожнаго съ вида, но могущественнаго по силамъ, врага и отъ славы твоей не останется ни единой пылинки.

— Вижу почтенный дервишъ, что ты глупъ, какъ всѣ собратья твои. Иди-же своей дорогой и не смѣй впредь показываться на мои глаза.

Дервишъ поднялся съ мѣста.

— Твое приказаніе я исполню, но помни и ты, что въ трудную минуту твоей жизни какъ-бы ты не взывалъ къ моей помощи, я и тогда не забуду этого приказа. Съ этими словами старикъ скрылся изъ виду.

Тѣмъ временемъ могущественный шахъ задумалъ побѣдить одно большое государство и приказалъ двинуться войскамъ своимъ впередъ. Состоящіе при немъ муллы предложили ему предварительно принести Богу жертву и испросить благословеніе пророка.

— Оставьте ихъ въ покоѣ—отвѣчалъ повелитель—ни одинъ изъ нихъ не сойдетъ ради насъ и не пролетѣтъ своей крови за меня. Я лучше угощу моихъ воиновъ наканунѣ битвы—это будетъ понадежнѣе.

— Султаны—отвѣчали муллы—ты этими словами можешь оскорбить пророка и онъ станетъ помогать врагамъ твоимъ.

— Тѣмъ хуже для него: онъ пострадаетъ вмѣстѣ съ ними.

Услышавъ такую хулу, улемы съ трепетомъ взяли за бороды и молча возвратились въ свои улусы.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя безбожный шахъ вступилъ въ чужія земли и все преклонялось предъ нимъ, какъ предъ божествомъ. Такъ прошелъ онъ одну треть царства и былъ уже увѣ-

ренъ, что пройдетъ его вдоль и поперекъ, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія. Какъ вдругъ предъ нимъ выросли лѣса вооруженныхъ людей. Шахъ потерялъ руки свои отъ удовольствія, что наконецъ онъ увидитъ потоки враждебной крови и услышитъ звукъ оружія. Отдавъ необходимыя приказанія, онъ вмѣсто молитвы приказалъ созвать всѣхъ музыкантовъ и начать пировать. Покончивъ съ удовольствіями, онъ приказалъ 12-ти слугамъ вывести къ нему лучшаго коня своего и, вскочивъ на него, сдѣлать знакъ воинамъ своимъ наброситься на дерзкихъ, рѣшившихся оказать сопротивленіе.

— Никого не падить! закричалъ онъ и помчался впередъ.

Но только что отважные воины хотѣли пустить въ дѣло свои пики и сабли, какъ подъ ними задрожала земля и надъ головами ихъ появились какіе-то чудовища, поражающія ихъ камнями, грязью и засыпающія глаза ихъ бѣлою пылью. Храбрецы засуетились и вынуждены были остановиться. Тѣмъ временемъ враги начали наносить имъ раны и такое истребленіе, какого до того не совершалось на землѣ.

Ужаснувшійся шахъ повернулъ скакуна своего и бросился бѣжать. Воины его слѣдовали за нимъ и остановились только тогда, когда не представлялось опасности.

Три дня спустя шахъ увѣрилъ спасшихся отъ смерти, что несчастіе это было случайно причинено облаками пыли, поднятой вѣтрами, и что онъ приказываетъ вновь собраться въ походъ, чтобы поразить до единого дерзнувшихъ тщеславиться побѣдою.

Улемы вторично предложили ему принести жертвоприношеніе.

На этотъ разъ ханъ приказалъ сбрить имъ насильственно бороды за дерзкіе совѣты. Только что приказаніе это начали исполнять, какъ прискакалъ гонецъ съ заявленіемъ, что одно изъ завоеванныхъ шахомъ ханствъ взбунтовалось противъ него и поработенные, избравъ вождя, намѣрены помѣриться съ нимъ силами.

— Ты лжешь! вскрикнулъ ханъ и приказалъ отрубить вѣстнику голову.

Но не успѣло еще остынуть тѣло невинно пострадавшаго, какъ показались тучи враговъ, которые въ пухъ и прахъ разбили всѣхъ тѣхъ, которые не перешли на ихъ сторону. Изумленный такому внезапному повороту своей судьбы, шахъ бросился бѣжать съ своими богатствами, но такъ какъ впереди и сзади у него были враги, то онъ направился къ берегамъ Азаха деңыза и, нанявъ большой корабль, на который перенесены были всѣ его сокровища, пустился искать своего счастья въ чужихъ странахъ. Какъ долго онъ плавалъ по водамъ, Богъ знаетъ, и наконецъ онъ прибылъ къ одному изъ бывшихъ тогда въ Крыму большихъ городовъ, куда о немъ достигла слава, и началъ просить у гражданъ дозволенія высадиться на ихъ берегъ. Граждане согласились охотно, когда узнали, что онъ обладаетъ громадными богатствами. Проживъ у нихъ нѣкоторое время, онъ началъ довольно часто отлучаться на хуторъ свой, гдѣ намѣревался поселиться,

а тѣмъ временемъ задался мыслью покорить своей власти не только тѣхъ, которые дали ему пріютъ, но и всю страну. Безбожному человѣку казалось, что онъ созданъ господствовать надъ міромъ и доля обыкновеннаго гражданина тяготила его. Для достиженія цѣли онъ началъ населять хуторъ свой всѣми дурными людьми и заманивать къ себѣ тѣхъ, которые нѣкогда благоговѣли предъ его могуществомъ и принимали его за божество. Когда число этихъ отважныхъ дошло до степени удовлетворяющей надежды шаха, онъ приказалъ имъ по одиночѣ, въ различное время и разными воротами входить въ пріютившій его городъ и ожидать того момента, когда онъ подастъ сигналъ броситься на городскую стражу и, обезоруживъ ее, завладѣть всѣми укрѣпленіями. Для успѣха въ этомъ предпріятіи не представлялось ровно ничего труднаго, такъ какъ въ городѣ не было надобности держать много войска и не предвидѣлось никакой опасности. Шахъ, упоенный надеждами снова господствовать и вновь сдѣлаться львомъ наперекоръ Аллаху и святому пророку, которые отвергнули его отъ лица своего, забывая на минуту и повѣдалъ радость свою одному изъ усердныхъ слугъ своихъ, который хозяйничалъ и оберегалъ покой его со дня прибытія въ чужой городъ. Слуга раздѣлилъ радость свою съ женою. А всѣмъ извѣстно, что когда женщины бываютъ посвящены въ какую нибудь важную тайну, онѣ, чтобы доказать права свои на мужей, стараются разгласить все извѣстное имъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ. Тайна шаха въ первый же день облетѣла весь кварталъ и дошла до ушей градоправителей, которые и безъ того уже съ безпокойствомъ посматривали на толпы подозрительныхъ людей, безъ занятій бродящихъ по ихъ городу. Понятно, что по требованію ихъ всѣ жители вооружились и приготовились къ отчаянному сопротивленію. Не зная послѣдняго распоряженія, шахъ въ полночь подаль сигналъ и самъ явился руководителемъ отважныхъ головъ, но въ какую онъ улицу не вступалъ, его вездѣ встрѣчали градомъ пуль и снѣгомъ стрѣлъ, но трусить не было въ натурѣ человѣка, отвернувшагося отъ лица Господня. Дѣйствуя напроломъ, онъ бросился на важнѣйшія городскія башни, которыя въ обыкновенное время защищались десяткомъ служителей, но встрѣтивъ и тутъ сотни защитниковъ, закончилъ тѣмъ, что, потерявъ всѣхъ почти сообщниковъ, долженъ былъ бѣжать и скрыться въ городскомъ бассейнѣ въ надеждѣ, что авось придетъ за водою одинъ изъ пріятелей, который выведетъ его въ темную ночь изъ города, которому онъ вмѣсто благодарности принесъ много зла. Просидѣвъ въ темныхъ корридорахъ водохранилища два дня, онъ внезапно услышалъ чей-то вздохъ и слѣдующую рѣчь: „несчастный шахъ, ты-ли это тотъ безбожникъ, который мечталъ по личной волѣ сдѣлаться вторымъ послѣ Бога! Хотѣлось-бы мнѣ послушать теперь твои дерзкія слова. Навѣрно теперь ты созналъ свое ничтожество передъ Творцомъ міра и трепещешь за

жизнь свою, если только не лишился ея вмѣстѣ съ тѣми несчастными, которые въ безуміи пожертвовали тебѣ своими буйными головами. Воображаю какъ-бы ты благодаренъ былъ пророку, еслибъ онъ сохранилъ тебѣ твою жизнь, если только она не утрачена тобою въ наказаніе за богохульство! О несчастный, ищущій всеобщаго господства, теперь ты не вправе господствовать надъ своими ногами и лишень надежды восхищаться даже тѣми надеждами, которыя утѣшаютъ всякаго мусульманина въ загробной жизни. Жаль мнѣ тебя, неумѣвшаго сберечь сіянія своего и возставшаго безъ надобности противъ Бога, озарившаго тебя всѣми милостями, но отнынѣ ты отброшенъ отъ лица Его и ни одна гадина не станетъ служить тебѣ, чтобы не оскорбить святаго пророка. Сказавъ это, дервишъ склонилъ голову и началъ утирать выступавшія изъ глазъ его слезы.

Шахъ, видѣвшій и слышавшій все это, рѣшился приползти къ нему и попросить его помощи убѣжать изъ враждебнаго города. Убѣдившись, что знакомый ему дервишъ сидитъ одинъ и не выдастъ его, онъ началъ раскаиваться въ прошлыхъ заблужденіяхъ своихъ и умолять оказать ему состраданіе.

— Все напрасно шахъ—отвѣчалъ онъ со вздохомъ—твоя участь рѣшена уже на небѣ и никакія усилія человѣка не измѣнятъ священнаго приговора.

— Я не о томъ спрашиваю тебя мой братъ. Пусть будетъ со мною, что опредѣлено на небѣ, но ты выведи меня изъ этого адскаго положенія: я умираю отъ голода и холода, я трепещу за жизнь свою и боюсь быть разстерзаннымъ тѣми, которыя дали мнѣ пріютъ и защитили отъ враговъ.

— И которыхъ ты за это хотѣлъ сдѣлать рабами своими?

— Къ несчастію я привыкъ всѣми повелѣвать и не могъ воздержаться отъ врожденной привычки.

— А помнишь-ли ты твой приказъ не показываться тебѣ на глаза? Если бъ ты остался-бы при своей силѣ, то можетъ быть приказалъ обезглавить меня за нарушеніе твоей воли, но теперь когда нуждаешься въ моихъ услугахъ ты совсѣмъ другое говоришь.

— Не упрекай меня дервишъ въ моихъ грѣхахъ. Отнынѣ я намѣренъ посвятить себя только однимъ добрымъ дѣламъ.

— Поздно шахъ ты опомнился, но чтобы тебѣ доказать мою готовность служить ближнему, я сегодня же ночью выведу тебя за городскую стѣну и предоставляю тебѣ свободу любоваться Божьимъ міромъ. Жди меня въ полночь. Съ этими словами дервишъ ушелъ.

Въ назначенный часъ онъ прибылъ къ городскому скопищу водъ и, вызвавъ шаха, увлекъ за собою; а нѣсколько минутъ спустя онъ вывелъ его за городъ канавою, по которой спускалась дождевая вода въ море.

— Прощай шахъ—сказалъ дервишъ,—я сдѣлалъ свой долгъ, но сбережешь-ли ты жизнь свою въ этой странѣ, объ этомъ

знаеть Богъ. Бѣги лучше и не останавливайся до того времени, пока не придешь къ народу, не знавшему твоего имени.

— Я готовъ тебя послушать, но мнѣ предварительно надо захватить мои сокровища, которыя я скрылъ въ подземельяхъ моего хутора.

— Брось ихъ несчастный; чтобы они не напоминали тебѣ твоего минувашаго безбожія и не тяготили твою душу.

Шахъ не хотѣлъ болѣе слушать избавителя своего и бѣгомъ пустился по направленію къ своему помѣстію. Съ каждымъ шагомъ дальше отъ опасности бѣглець мужалъ и начиналъ думать о возможности отмстить непокорнымъ людямъ и достигнуть во чтобы ни стало своего утраченнаго величія. Пришедъ домой и встрѣтивъ радостный пріемъ отъ слугъ своихъ, шахъ послѣ удовольствія аппетита, забылъ уже про всѣ неудачи свои и жестоко клянулъ пророка, вздумавшаго издѣваться надъ нимъ. Понятно, что каждая мысль его была подслушана ангелами и доведена была до великаго законодателя, который не вытерпѣлъ болѣе и приказалъ направить на него толпу ожесточенныхъ враговъ.

Шахъ грызъ отъ нетерпѣнія губы свои въ то время, когда домъ его былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Вооружившись саблею, онъ бросился на враговъ, но въ эту минуту въ тѣло его вонзились сотни пикъ и онъ палъ какъ снопъ, сброшенный съ мажары.

— Гдѣ ты спряталъ твои сокровища? спросили его.

— Такъ вы ради ихъ посягнули на мою жизнь? спросилъ умирающій.

— Да—было отвѣтомъ.

— Я готовъ отдать ихъ вамъ, если вы дадите мнѣ спокойно умереть.

— Говори скорѣе и мы оставимъ тебя.

Шахъ и въ эту минуту надѣялся ожить для того, чтобы со временемъ расплатиться съ человѣчествомъ по своему. Указавъ на подземелье свое, онъ потребовалъ перенести себя на мягкое ложе, но прежде чѣмъ свѣтило дня озарило землю, его покинула душа.

Преданные ему слуги изъ боязни, чтобы и тѣло его не подвергнулось посмѣшищу, посмѣшили навалить надъ могилою его цѣлый холмъ земли и разбѣжались въ различныя стороны, чтобы не слышать по ночамъ ржанія и скрежета зубовъ изъ свѣжей гробницы. Впослѣдствіи на этомъ курганѣ ежегодно видѣли медвѣдя, который начиналъ свой ревъ съ полуночи до того времени, пока можно было отличить черную нитку отъ бѣлой.

Такимъ бываетъ конецъ людей, мечтавшихъ о господствѣ надъ міромъ безъ соизволенія пророка.

Мюскъ - джами.

(Мускусовая мечеть).

Посѣтивъ впервые Старый Крымъ или древній Солхатъ, нѣкогда ведущій всемирную торговлю, я подъ вліяніемъ только что прочитаннаго о его предполагаемомъ величіи и богатствѣ въ давно минувшія времена, поспѣшилъ взглянуть на развалины мечети, издающей будто мускусовый запахъ послѣ дождя. О мечети этой, въ мое время, всѣ вѣрили свѣденіямъ, сообщеннымъ академикомъ Кенпенымъ, Богъ вѣсть откуда почерпнувшимъ разсказъ о постройкѣ ея египетскимъ султаномъ Бирбасомъ, но я очень хорошо зналъ, по недавно открытой надписи, хранящейся въ Одесскомъ обществѣ Исторіи и древностей, что лучшая старокрымская мечеть построена была въ царствованіе кипчакскаго хана Мухамета (въ 1314 г.) какимъ-то смиреннымъ рабомъ, нуждающимся въ милосердіи Божіемъ Абдуль-гази Юсуфомъ сыномъ Ибрагима Езбазли. При такихъ достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ мнѣ не трудно было отыскать у мѣстныхъ обитателей какое нибудь хоть баснословное преданіе. Въ этой надеждѣ я приблизился къ указаннымъ мнѣ развалинамъ и конечно не нашелъ, чтобы онѣ издавали какихъ либо араматовъ мускуса, о чемъ говорилось чуть-ли не всѣми туземцами татарскаго происхожденія.

Признаюсь также, что по всѣмъ слѣдамъ въ окрестности нельзя было составить особеннаго понятія о величіи этого молитвеннаго дома, будто-бы сложеннаго изъ мрамора, порфира и сіяющаго золотомъ.

Въ то время, когда я сидѣлъ въ раздумьи, ко мнѣ подошелъ одинъ старый татаринъ, котораго я принялъ по наряду за пастуха.

— Не проходилъ-ли мимо тебя шматокъ овецъ подъ присмотромъ мальчика въ бѣлой шапкѣ? спросилъ онъ.

— Прошелъ въ ту сторону—отвѣчалъ я, показавъ направленіе.

— Значитъ послушалъ меня. Дрянной мальчишка, вотъ ужъ цѣлую недѣлю я требую, чтобы онъ пасъ овецъ на этой сторонѣ, а онъ все подбирается къ чужимъ пашнямъ. Сейчасъ видно, что будетъ воромъ, когда подростетъ! Ужъ сколько разъ я билъ его, а онъ все свое дѣлаетъ.

Сегодня-же я обѣщалъ исковеркать ему всю наружность, если онъ не послушаетъ меня, но къ счастью его этого не случится. Говоря это, татаринъ сѣлъ около меня и началъ набивать трубку.

Отъ нечего дѣлать мы разговорились. Пастухъ оказался уроженцемъ сосѣдней деревни Учъ-кую, служившимъ болѣе 30 лѣтъ у какого-то армянина, который, по мнѣнію его, былъ самой разцовою честности человѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ ты знакомъ съ каждымъ камнемъ въ Старо-крымской окрестности? спросилъ я.

— Еще-бы не знать тѣхъ мѣстъ, гдѣ съ дѣтскаго возраста ежедневно ходилъ.

— Говорятъ, что здѣсь на каждую развалину существуетъ сказка?

— Можетъ быть, но мнѣ теперь не до сказокъ. На все есть свое время. Сказки я правда любилъ въ молодости, но теперь не нахожу въ нихъ пользы. Въ теперешніе годы надо думать о смерти.

— Но ты еще не такъ старъ.

— Коль скоро запустилъ бороду, то вѣрно старъ.

Послѣ минутнаго молчанія я навелъ разговоръ на развалины мечети.

— Грѣшно, очень грѣшно здѣшнимъ христіанамъ, что они разобрали всѣ каменья отъ этого святаго дома. Съ тѣхъ поръ и имъ нѣтъ счастья.

— Видно святой человѣкъ сооружалъ этотъ храмъ? спросилъ я, прикидываясь незнающимъ.

— Конечно ужъ не такой, какъ мы съ тобою. Въ прежнія времена жили на землѣ настоящіе Божьи люди, вслѣдствіе чего и пользовались непонятными для насъ благами и милостями. Охъ, отчего мы не родились въ ихъ время?

Не малаго труда мнѣ стоило заставить моего собесѣдника поразсказать все слышанное имъ когда либо о Мюскъ-джами и строителѣ ея.

Изъ всего, выслушаннаго мною, я могъ составить слѣдующаго рода легендарный разсказъ:

„Было время, когда Эски-Крымъ такъ былъ великъ и замѣчателенъ своими мудрыми учителями и управителями, что всѣ государства направляли къ нему обширные караваны съ предметами роскоши и оставляли въ немъ сыновей своихъ для усовершенствованія въ познаніяхъ закона Божія. Всѣ эти караваны шли по долинѣ, сохранившей до настоящаго времени свое первобытное названіе Индолъ *) и располагались въ каравансараяхъ, куда заблаговременно съѣзжались покупщики съ противоположныхъ странъ съ золотомъ и другими произведеніями, идущими въ обмѣнъ. Естественно, что при такомъ движеніи народовъ и торговыхъ оборотовъ, каждый владѣтель простой даже избытки имѣлъ возможность обогатиться въ этомъ городѣ. И дѣйствительно всѣ обогатились, но въ тоже время сдѣлались такими скупыми и негостепріимными, что начали удивлять посѣтителей. Пока они набивали сундуки золотомъ и запаивали ихъ подъ спудами своихъ жилищъ, у нихъ начала приходить въ ветхость единственная большая мечеть и никто не думалъ жертвовать ни гроша на крайне необходимую перестройку.

Такое оскорбительное отношеніе къ святымъ людей, обладающихъ огромными запасными капиталами, возмутило одного на-

*) Инд-ель въ переводѣ съ татарскаго означаетъ: дорога на Индію.

божнаго носильщика тяжестей, который съ трудомъ прокармливалъ поденными работами свое многочисленное семейство, и вотъ онъ въ одну изъ пятницъ, когда масса богачей творила молитву на открытомъ воздухѣ изъ боязни, чтобы Аллахъ не обрушилъ на ихъ головы пригнувшійся потолокъ мечети, выступилъ впередъ и, поднявъ руки къ небу, сказалъ:

— О люди, недостойные носить имени мусульманъ! неужели ваши глаза не видятъ, что Божья мечеть согнулась отъ дряхлости лѣтъ и требуетъ отъ поклонниковъ корана постройки новаго зданія во имя Божіе?

— А ты кто такой, что осмѣливаешься дѣлать намъ подобные вопросы? отвѣчали ему первостепенные богачи, поднявъ свои палки.

— Я такой-же мусульманинъ, какъ и вы.

— И ты смѣешь ничтожный носильщикъ тяжестей равнять себя съ нами, управляющими городомъ? Да тебя за эту дерзость надо бросить въ проходъ ада на Аргамышъ *).

— А я вамъ скажу, что не меня, а васъ бросить туда нашъ великій пророкъ, если только вы не опомнитесь отъ вашихъ заблужденій.

— Негодяй, недостойный слышать нашего слова! было послѣднимъ отвѣтомъ гордыхъ богачей.

Бѣднякъ, оскорбленный этими словами, упалъ на колѣни и, поднявъ глаза къ небу, вскрикнулъ:

— О Боже, создавшій міръ, сдѣлай меня ничтожнаго поденщика такимъ богачемъ, какъ одинъ изъ этихъ враговъ, только для того, чтобы я, въ посрамленіе имъ, создалъ во славу твою, такую мечеть, какой не существовало и не существуетъ въ мірѣ! И онъ началъ бить себя въ грудь, плакать и горячо молиться. Видя это, богачи съ насмѣшками разошлись.

— По окончаніи молитвы носильщикъ отправился на свое обыкновенное мѣсто въ ожиданіи работы. Какъ вдругъ подходитъ къ нему одинъ изъ индѣйскихъ купцовъ и, положивъ руку на плечо, спрашиваетъ не пожелаетъ-ли онъ наняться къ нему.

— Я охотно послѣдовалъ-бы за тобою и служилъ-бы вѣрнѣе собаки, но къ сожалѣнію у меня большая семья, которая кормится моими поденными заработками.

— А сколько червонцевъ ты зарабатываешь въ годъ?

— Отъ 30 до 50-ти отвѣчалъ бѣднякъ.

— Я буду платить тебѣ ежегодно впередъ сто червонцевъ, если ты пристанешь ко мнѣ. Видишь-ли мнѣ нуженъ такой сплачъ какъ ты и я давно пріискиваю подобнаго. Сведи-же меня въ свой домъ и я оставлю деньги женѣ твоей и заявлю ей, что ты ежегодно будешь навѣщать ее съ моимъ караваномъ.

Носильщикъ тяжестей, неожиданный такого счастливаго слу-

*) Невдали отъ Старога Крыма на горѣ Аргамышъ есть отверстіе, которое и теперь считается туземцами отдушиномъ ада.

чая, запрыгавъ отъ радости и, поцѣловавъ нѣсколько разъ въ плечо щедрого купца, привелъ его въ землянку свою. Индѣецъ кромѣ 100 червонцевъ подарилъ семейству его нѣсколько штукъ дорогихъ матерій и купилъ по сосѣдству домикъ, въ который заставилъ ихъ переселиться съ тѣмъ, чтобы принимали и его на квартиру при ежегодномъ приходѣ съ караваномъ. Послѣ чего онъ узнавъ имя нанятаго слуги, сказалъ:

— Ну, Юсуфъ проводи и сегодняшнюю ночь въ семьѣ твоей, а завтра съ разсвѣтомъ мы выѣдемъ. Затѣмъ, пожелавъ всѣмъ здоровья, ушелъ.

На слѣдующій день бѣднаго носильщика уже не было въ Старомъ Крымѣ. Въ какихъ онъ странахъ скитался и въ чемъ состояли его обязанности—никто не зналъ. Но прошелъ годъ и вмѣсто носильщика тяжестей предъ эски-крымскими богачами явился Юсуфъ челеби владѣлецъ каравана, на приобрѣтеніе котораго потребовалось чуть-ли не все состояніе первыхъ богачей его роднаго города. Пробывъ въ семьѣ своей нѣсколько дней, онъ по обыкновенію въ первую-же пятницу явился къ дверямъ мечети и послѣ установленной молитвы, снова обратился къ стоящимъ впереди всѣхъ богачамъ съ слѣдующими словами:

— О люди недостойные именоваться правовѣрными! я вторично обращаюсь къ вамъ отъ имени нашего всемилостивѣйшаго пророка, но на этотъ разъ не въ качествѣ ничтожнаго поденщика, а купца обладающаго состояніемъ, равняющимся состоянію двухъ или трехъ самыхъ богатѣйшихъ изъ васъ. Не пожелаете-ли вы при участіи моемъ воздвигнуть новую мечеть: я дамъ на это дѣло третью часть моего состоянія, вы же принесете только десятую долю.

На этотъ разъ алчные люди, не отвѣтивъ ничего, разбѣжались, какъ ящерицы по норкамъ своимъ, и Юсуфъ остался въ толпѣ такихъ же бѣдняковъ, какимъ былъ недавно и самъ.

— Не будетъ имъ добра—сказалъ онъ—Аллахъ отберетъ отъ нихъ все, что имъ далъ и я надѣюсь увидѣть ихъ нищими. Но вы бѣдняки не ропщите на свою печальную участь, потому что я обѣщаль воздвигнуть вамъ чудесную мечеть и если Богу угодно будетъ принять отъ меня эту жертву, то я года чрезъ два успѣю приобрѣсти такое состояніе, какое мнѣ необходимо будетъ для приступленія къ дѣлу.

Послѣ чего подаривъ каждому по червонцу, онъ возвратился домой и приступилъ къ распродажѣ своихъ товаровъ. Получивъ вдвое противъ ожиданія Юсуфъ договорилъ поставщиковъ камня на такой величины мечеть, какая существуетъ въ святой Меккѣ.

— Сложите ихъ и приступите къ полировкѣ. Слѣдуемое вамъ вознагражденіе я оставлю женѣ моей, а когда самъ приѣду, то поручу всю постройку лучшему изъ мѣстныхъ строителей; если-же таковыхъ здѣсь не окажется, то мнѣ не трудно будетъ привезти съ собою изъ Индіи или Персіи.

Мѣсяцъ спустя Юсуфъ опять уѣхалъ и по прежнему о немъ

никто не имѣлъ свѣдѣнія до того времени, пока онъ самъ не явился съ 400 навьюченныхъ верблюдовъ. Такого каравана никогда не видѣли въ Солхатѣ. Всѣ бѣдные люди выбѣжали на встрѣчу къ доброму согражданину и привѣтствовали его, какъ властелина Крыма.

На этотъ разъ Юсуфъ роздалъ бѣднымъ по два червонца и продавалъ свои товары въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, такъ что всѣ прибывшіе въ Эски-Крымъ купцы исключительно ему одному отдали и свое золото и произведенія своихъ странъ.

Покончивъ дѣла свои, Юсуфъ снова явился въ полуобрушившуюся мечеть и, снова разогнавъ богачей приглашеніемъ участвовать въ расходѣ для постройки храма Вожія, въ заключеніе сбросилъ съ себя маску притворства и торжественно заявилъ старшинамъ, что поклялся предъ Всемогущимъ воздвигнуть во славу его такую мечеть, ароматъ отъ которой будетъ восходить до небеснаго престола, а кровля сіять подобно солнцу.

— Ты станешь выше всѣхъ газі! (праведникъ) отвѣчали ему старшины,

— Ты будешь именоваться Абдулъ газі! (т. е. отцомъ всѣхъ праведныхъ) отвѣчали бѣдняки.

Этого было достаточно Юсуфу, который привезъ съ собою изъ далекихъ странъ какого-то богобоязливаго архитектора.

Въ первую-же недѣлю отъ ветхой мечети не осталось ни единого камня и весь фундаментъ новой сложенъ былъ на цементѣ, замѣшанномъ на мускусѣ. Не довольствуясь и этимъ, Юсуфъ послалъ нарочныхъ въ Египетъ и другія страны за мраморными плитами и колонами, чтобы убрать ими внутренность Божьяго дома, а самъ вновь поѣхалъ въ третье путешествіе съ тѣмъ, чтобы послѣ него дожить свой вѣкъ въ непрестанной молитвѣ въ родномъ городѣ.

На этотъ разъ благочестивый мусульманинъ возвратился съ 1000 нагруженными верблюдами, такъ что никакіе ученые не могли вычислить стоимости привезенныхъ имъ товаровъ и драгоценностей.

— Будь нашимъ ханомъ, будь нашимъ повелителемъ! кричалъ народъ, увидя его въ дорогихъ одеждахъ.

— Нѣтъ, братья мои, я никогда не забуду, что былъ вашимъ поденщикомъ и никогда не захочу господствовать надъ старшими по лѣтамъ друзьями. Если я сдѣлаюсь повелителемъ вашимъ, тогда между нами образуется пропасть, черезъ которую не легко будетъ пройти бѣдному человѣку. Въ теперешнемъ-же моемъ свободномъ состояніи вы найдете во мнѣ пріятеля, который будетъ знать ваши нужды и по мѣрѣ возможности станетъ вамъ помогать.

— Будь-же нашимъ отцемъ и защитникомъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Два года спустя была вполнѣ закончена эта мечеть — сказали пастухъ. Такого молитвеннаго дома дѣйствительно не существовало на всей землѣ. Минареты ея касались вершинами до облаковъ, а кровля затмевала блескъ солнечныхъ лучей. Вся вну-

тренность выложена была дорогими бѣлыми, какъ снѣгъ, плитами, но всего восхитительнѣе былъ прелестный запахъ отъ мускуса, разносимый вѣтромъ на далекое пространство.

Послѣ первой народной молитвы въ этомъ султанскотъ храмѣ Юсуфъ, угощая народъ мясомъ отъ принесенныхъ имъ Богу въ жертву животныхъ, рѣшился объяснить имъ какимъ образомъ онъ приобрѣлъ такое громадное состояніе въ непродолжительное время.

— Состояніе мое мнѣ обѣщано было нашимъ пророкомъ—говорилъ онъ—въ то время, когда я, укоряя богачей вашихъ въ жадности къ деньгамъ, дерзнулъ поднять руки къ небу и отъ чистаго сердца сказать: „О Боже, дозволи мнѣ ничтожному рабу твоему посрамить во славу твою этихъ враговъ твоего закона!“ Въ тотъ-же день я былъ нанятъ однимъ богатымъ купцомъ въ Индію, которому въ продолженіи 7 мѣсяцевъ, предоставилъ такіа громадныя выгоды отъ найденнымъ мною алмазовъ, что онъ подарилъ мнѣ десятую долю изъ приобрѣтеннаго и предложилъ самому заняться караванною торговлею. Остальное приобрѣтено было лично моими промѣнами. Вотъ какъ поступаютъ, братья мои, Богъ и пророкъ нашъ съ тѣми, которые съумѣютъ вызвать ихъ благоволеніе и въ точности исполнить обѣщаніе свое.“ Есть преданіе, что этотъ добродѣтельный человѣкъ до глубочайшей старости, никогда не отказавъ ни одному бѣдняку въ пособіи, когда онъ просилъ во имя Божіе; но тѣмъ, которые заискивали въ личное одолженіе или просили денегъ взаймы, онъ отвѣчалъ, что не вправѣ распоряжаться деньгами, не принадлежавшими ему.

— Что-же стало потомъ съ этою мечетью? спросилъ я.

— Думаютъ, что она пострадала отъ землетрясенія, посланнаго Богомъ въ наказаніе развратившимся жителямъ Эски-Крыма. Вотъ какія бывали прежде люди и постройки—добавилъ пастухъ, выбывая трубку свою—не то что мы съ тобою. Прощай, на случай, если сынъ мой задумаетъ проходить мимо тебя, скажи ему, что я кожу сниму съ него, если онъ ослушается моего приказанія.

Татаринъ кивнулъ мнѣ головою и направился въ деревню.

Затопленный городъ.

Тамъ гдѣ въ наше время переливается сребристыми валунами обширная красавица Крымскихъ бухтъ, Феодосійская,—въ давно минувшія времена красовался величественный городъ, въ который могли проникать только птицы небесныя. Окруженный высочайшими стѣнами и болѣе высокими башнями, онъ примыкалъ прямо къ морю, пресѣченному плотинами и съ этой только стороны жители могли сообщаться съ отдаленными странами.

Что это былъ за народъ, откуда прибылъ и почему здѣсь именно поселился? никому не было вѣдомо. Любопытные туземцы не разъ бывало приближались къ этимъ стѣнамъ, прикладывали ухо къ землѣ, чтобы узнать на какомъ нарѣчій говорятъ ихъ случайные сосѣди, но напрасны были ихъ труды: изъ города не

доходили до нихъ никакіе звуки. Точно въ немъ жили глухо-нѣмые или особеннаго рода кроткіе и покорные другъ другу не знающіе злобы святые люди.

Не видя ничего вреднаго или могущаго принести вредъ ихъ странѣ, туземцы возвращались домой совершенно спокойными и не мечтали нарушать покоя не прошенныхъ гостей. Такъ прошелъ годъ или два. Случалось иногда, что пастухи, бродившіе съ стадами по прибережнымъ горамъ, рассказывали, что видѣли большіе корабли съ множествомъ юношей и дѣтей, которые подходили къ плотинамъ таинственнаго города и точно тамъ поглощались напоромъ волнъ. Всего страннѣе казалось отдаленнымъ степнымъ жителямъ, что изъ за стѣнъ этого города, постоянно выходила масса чернаго дыма, свидѣтельствующая, что тамъ день и ночь обитатели занимаются выжиганіемъ чего-то недоступнаго ихъ понятіямъ. По мнѣнію однихъ тамъ приготовляли черепицу, которую увозили куда-то моремъ, а по предположенію другихъ это былъ просто дымъ изъ очаговъ, гдѣ постоянно поддерживался огонь, чтобы предупреждать злодѣяніе враждебныхъ силъ природы.

Но вотъ однажды владѣтели степей собрались въ огромномъ числѣ опраздновать одинъ изъ годовыхъ праздниковъ своихъ невдали отъ таинственныхъ стѣнъ и съ обыкновенною безпечностію предались играмъ, пляскамъ и пьянству. Когда-же на другой день они пробудились послѣ крѣпкаго сна, то ни на одной повозкѣ не оказалось ни единой женщины и ни одного дитяти до 10 лѣтняго возраста. Не постигая куда они могли дѣваться, бѣдные ограбленные отцы и мужья бросились по различнымъ направленіемъ въпредположеніи, что злые духи вознамѣрились надсмѣяться надъ ними. Но всѣ поиски ни къ чему не привели. Сгруппировавшись снова на первоначальное мѣсто, скотоводы послали нарочнаго въ горы, чтобы привезти на мѣсто событія славнаго ихъ знахаря и спросить его мудраго разъясненія.

Знахарь вызвалъ служащаго ему духа и молча указаль пальцемъ на таинственныя стѣны.

— Онъ правъ, онъ правъ! заревѣли туземцы.

— Но какимъ образомъ наши жены могли проникнуть за эти стѣны, въ которыхъ нигдѣ нѣтъ отверстій? спросили у него.

Знахарь вторично показалъ тоже направленіе.

Вѣря въ его безошибочность и безгрѣшность, скины рѣшились самымъ подробнымъ образомъ осмотрѣть всю окрѣжность стѣны, но нигдѣ не нашли ни малѣйшей щели, куда можно было-бы приложиться даже глазомъ. Послѣ чего они собрались на совѣщаніе. Знахарь посаженъ былъ въ центрѣ круга.

— Скажи намъ мудрый отецъ — обратился къ нему старшина племени — съ какою цѣлью могли быть похищены наши жены, матери и дѣти? я бы не спрашивалъ тебя, еслибъ похищены были только молодыя женщины и дѣвицы, но вѣдь не пощажены даже и безобразныя старухи?

— Молодые будутъ проданы въ неволю, а старухи пойдутъ на ихъ мыловарные заводы—отвѣчалъ чародѣй.

— Мы не понимаемъ твоихъ словъ мудрый отецъ.

— Въ такомъ случаѣ я расскажу вамъ причину поселенія въ нашей странѣ этихъ таинственныхъ людей. Въ то время когда мы воевали въ отдаленныхъ мѣстахъ, люди эти осматривали берега моря и, нашедъ эту мѣстность чрезвычайно удобною для враждебныхъ челоуѣчеству цѣлей, избрали ее, какъ пунктъ самый выгодный для дѣйствій своихъ, а чтобы скрыть отъ всѣхъ свои занятія и предупредить однажды нападеніе на нихъ, они оградилъ себя высокими стѣнами, за которыми и дѣтямъ не приходится бояться. Обезпечивъ себя такимъ образомъ, эти люди перевели сюда свои корабли и мыловарные заводы. Приготавливаемое ими мыло чрезвычайно высоко цѣнится и представляетъ такія достоинства, какихъ никто не могъ придумать по незнанію секрета приготовленія, но такъ какъ для меня не существуетъ тайны, то я узналъ, что оно готовится на тѣлахъ старыхъ женщинъ, которыя цѣликомъ бросаются въ котлы наполненные саломъ. Понятно, что этимъ варварамъ нельзя было свободно заниматься такимъ промысломъ въ своемъ отечествѣ и они переселились въ отдаленную землю, гдѣ никто не станетъ имъ препятствовать въ уничтоженіи бѣдныхъ незащитныхъ женщинъ. Но кромѣ этого занятія они занимаются торговлею молодыхъ женщинъ, которыхъ схватываютъ или покупаютъ на невольничьихъ рынкахъ и перепродаютъ въ отдаленныхъ земляхъ съ громадными барышами. Для такихъ цѣлей захвачены и ваши матери и жены и горе имъ, если вы не поспѣшите ихъ выручить въ теченіи семи дней.

— Какимъ-же образомъ мы проникнемъ за эти стѣны? спросилъ старшина.

— Не въ томъ дѣло—отвѣчалъ знахарь. Если мы проникнемъ къ нимъ, то они очень рады будутъ воспользоваться нашими тѣлами для своихъ выгодъ и безъ сомнѣнія никто изъ насъ не возвратится домой. Намъ необходимо придумать болѣе дѣйствительное средство, чтобы навсегда изгнать изъ страны нашей этихъ вредныхъ людей. Для достиженія этого я предлагаю вамъ раздѣлиться на три группы. Первая двѣ партіи немедленно начнутъ пробивать, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, въ стѣнахъ широкія отверстія, а послѣднія готовить тѣмъ временемъ новое направленіе для рѣки Истріаны, которую мы цѣликомъ направимъ въ одно изъ сдѣланныхъ отверстій. Рѣка хлынетъ въ углубленіе и станетъ собираться въ низменности таинственнаго города и, расширяясь постепенно, начнетъ тѣснить злодѣевъ. Тогда наши матери и жены съ дѣтьми бросятся къ противоположной брешѣ, у которой вы будете стоять съ саблями въ рукахъ и пропускать только своихъ. Взаключеніе безчеловѣчнымъ торговцамъ по неволѣ придется сѣсть на свои корабли и возвратиться туда, откуда прибыли.

— Да продлитъ Богъ твою жизнь за это мудрое наставленіе— отвѣчали ему номады и немедленно раздѣлились на три партіи. Въ тотъ-же день приступлено было къ работамъ, которые закончены были однимъ общимъ ударомъ въ тотъ моментъ, когда воды рѣки Истріаны подступили къ основанію стѣнъ, казавшихся несокрушимыми. Скопившаяся вода разомъ влилась въ отверстіе и предъ изумленными скивами представился чудный городъ съ высокими домами, наполненными различными иноземными товарами. Иностранцы засуетились и бросились закладывать брешь, но лишь только подступили къ ней, какъ сотни стрѣлъ посыпались на встрѣчу. Тогда только понявъ предстоящую опасность, они начали думать о вывозѣ скопленныхъ богатствъ. Тѣмъ временемъ плѣнные женщины съ дѣтьми и тысячами другихъ дѣвушекъ, догадавшись въ чемъ дѣло, выбѣжали изъ своихъ засадъ и на призывъ своихъ мужей направились къ противоположной брѣшѣ и такъ какъ никому не представлялось надобности останавливать ихъ, то всѣ они выступили изъ заключенія и снова очутились между своими.

Между тѣмъ мстители не отступали, чтобы не допустить ни единого злодѣя пробраться въ ихъ землю и до тѣхъ поръ не сложили своего оружія, пока рѣка не поглотила весь городъ и не поднялась надъ уровнемъ моря.

Годъ спустя здѣсь образовалось великое озеро, исчезли высокія стѣны и съ ними вмѣстѣ не осталось слѣдовъ отъ плотины. Взаключеніе прѣсныя и соленыя воды братски соединились въ одно тѣло, а рѣка Истріана какъ-бы въ сознаніи, что исполнила свое назначеніе, изсякла навсегда.

„Есть люди—прибавилъ разскащикъ грекъ—которые и теперь при ясной погодѣ видятъ въ Θεодосійской бухтѣ отраженіе великолѣпныхъ зданій съ широкими улицами и блескъ драгоценныхъ камней, какъ-бы разсыпанныхъ по вынужденной необходимости. Болѣе-же дальнозоркимъ чудятся неимоверной величины мѣдные котлы, въ которыхъ плаваютъ ницѣ лицомъ съ распущенными волосами сморщившіяся старухи. Это кажется имъ міражемъ водянаго царства, но кто знаетъ совершившееся событіе, тотъ нашептываетъ молитву и проклинаетъ безжалостныхъ основателей затопленнаго города. *)

Баня дѣвъ.

Всѣмъ набожнымъ туземкамъ Крыма извѣстно, что бываютъ моменты, когда добродѣтельные духи снисходятъ на землю съ твердымъ намѣреніемъ исполнить первое подслушанное желаніе

*) Выдуманный разсказъ этотъ напоминаетъ намъ внезапное появленіе и исчезновеніе генуэзцевъ съ береговъ Θεодосійской бухты. Вотъ какія легенды иногда сознаются въ средѣ людей, незнающихъ грамоты, не смотря на то, что со времени погрома итальянцевъ прошло немногимъ болѣе 400 лѣтъ.

добрыхъ и невинныхъ молодыхъ людей. Такая милость, по ихъ мнѣнію, происходитъ только тогда, когда духъ ихъ упоенъ блаженнымъ настроеніемъ и они въ свою очередь жаждутъ обрадовать хоть одного изъ вышедшихъ къ нимъ навстрѣчу людей. Въ былыя времена, когда челоѣчество не знало пороковъ и чтило заповѣди Творца безъ дерзкаго разсужденія и когда всѣ жили между собою, какъ единокровные братья, благодѣтельные духи эти очень часто посѣщали землю; но съ того времени, когда челоѣчество развратилось и захотѣло жить собственнымъ умомъ, безъ всякаго содѣйствія верховныхъ существъ, духи эти перестали навѣщать насъ и вѣроятно это продолжится до того времени, пока Господь истребитъ всѣхъ безчестныхъ и замѣнитъ ихъ такими покорными и благочестивыми, какіе существовали въ первые годы міросозданія.

Вотъ въ это благодатное время невдали отъ теперешняго татарскаго селенія Козы, у подножія горы Урбаншъ, находилась деревня, прикрытая громадными деревьями отъ палящихъ лучей солнца и безпкойныхъ вѣтровъ. Въ деревнѣ этой строго соблюдались правила гостепріимства въ отношеніи всѣхъ искавшихъ пріюта и чувствовавшихъ голодъ. Считая эту обязанность за высшую добродѣтель, добрые люди постановили въ добавокъ носить съ собою запасную пищу и при выходѣ на степныя работы, такъ какъ часто къ нимъ подходили истощенные голодомъ странники и вынуждаемы были продолжать свой путь голодными. Естественно, что за подобныя услуги они ежедневно получали сотни благословеній, которыя подобно дыму еиміама возносились къ небу, и Богъ щедрою рукою осыпалъ ихъ милостями.

Однажды надъ деревнею этою повстрѣчались два добрыхъ духа, лѣтѣвшихъ съ цѣлью обрадовать кого-нибудь изъ добродѣтельныхъ людей.

— Отчего-бы намъ не оказать какой-либо милости жителямъ этого селенія? сказалъ одинъ изъ нихъ. Эти люди никого не пропускаютъ мимо себя безъ того, чтобы не накормить и не успокоить во имя нашего всемилостивѣйшаго Бога.

— Я полагаю, что они достаточно награждены—отвѣчалъ другой.

— Ты правъ; но Богъ заботился о главныхъ ихъ потребностяхъ, а вѣдь у молодыхъ людей бываютъ и второстепенныя желанія, безъ которыхъ хотя и можно обойтись, но отчего-же не предоставить ихъ достойнымъ для поощренія добродѣтели. Посмотри, вонъ тамъ между двумя скалами собралось много молодыхъ дѣвушекъ, которыя о чемъ-то говорятъ между собою. Спустимся къ нимъ и послушаемъ чего ради онѣ столпились, тогда какъ отцы и матери ихъ продолжаютъ работать.

— Пожалуй, полюбопытствуемъ, но только примемъ челоѣческій образъ.

Благодѣтельные духи опустили на землю и приняли образъ нищихъ. Когда они подошли къ дѣвушкамъ ихъ немедленно пригласили поселянки прилечь на разосланные фартуки и платки и

каждая поднесла узелокъ свой съ запасною пищею, умоляя подкрѣпить силы свои.

Путники, чтобы не оскорбить добрыхъ дѣвушекъ исполнили ихъ просьбу и потомъ начали спрашивать гдѣ онѣ живутъ и довольны-ли своимъ положеніемъ?

— О мы счастливые всѣхъ нашихъ сосѣдей—отвѣчали веселыя дѣвушки—намъ Богъ даетъ постоянныя дожди, когда въ нихъ является необходимость; нашихъ садовъ неистребляетъ гусеница; наши пчелы даютъ намъ превосходный медъ. Словомъ мы пользуемся всѣми благами съ такимъ избыткомъ, что считаемъ за большое счастье, когда можемъ замануть въ селеніе наше проходящихъ путниковъ.

— Слѣдовательно вы ни въ чемъ не нуждаетесь? спросилъ одинъ изъ нищихъ.

— Ни въ чемъ, за исключеніемъ развѣ такого фонтана въ тѣни, гдѣ-бы можно было во время такихъ жаркихъ дней какъ сегодняшній, освѣжить свое тѣло. Этого только блага не достаетъ намъ для окончательнаго нашего блаженства.

— Вы будете его имѣть сейчасъ-же—сказали нищіе поднявшись съ мѣста и ударяя посохами своими въ сосѣднія скалы.

Пока изумленные дѣвушки осматривали незнакомыхъ странниковъ, говорившихъ съ такою самоувѣренностію, надъ головами ихъ образовался высокій каменный шатеръ съ большимъ сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ и изъ потолка его въ видѣ дождевыхъ капель, начала падать прохладная вода.

Нищіе исчезли.

Съ той поры добродѣтельныя дѣвушки, какъ только чувствовали жаръ или усталость, бѣгомъ неслись къ Декекли-каѣ *) и сбросивъ съ себя одежду, моментально освѣжались отрядными каплями освѣжающей влаги.

Скала эта, названная банею дѣвъ, до настоящаго времени существуетъ, но съ той поры какъ добрыя дѣла замѣнились пороками, ни одна уже дѣвушка не можетъ пользоваться прежнимъ изобиліемъ водяныхъ капель.

Б и н ь б а ш ь х о б а

(тысяча-головая пещера).

Многимъ изъ посѣтителей Крыма извѣстно, что на Палатъ-горѣ существуетъ подъ этимъ названіемъ довольно большая пещера. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя названія даются народомъ не безъ причинъ. Мы, имѣя подъ рукою двѣ народныя легенды болѣе придали вѣроятія той, которая согласовалась съ историческимъ событіемъ погрома генуэзскихъ факторій въ Крыму. Въ настоящемъ же—сборникѣ миѳическихъ преданій намъ не приходится

*) Т. е. къ дрявой скалѣ.

стѣсняться разсказомъ и той легенды, которая не могла попасть въ наше „Универсальное описаніе Крыма“. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ:

„Въ одно время, когда жители южнаго берега Крыма занимались своими обыкновенными сельскими работами, на нихъ внезапно набѣжали бесчисленныя толпы какихъ-то свирѣпыхъ людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, и присвоили себѣ власть распорядителей. Несчастные туземцы, лишенные женъ и дочерей, обращены были въ рабовъ и должны были довольствоваться самымъ скуднымъ пропитаніемъ. Такая печальная судьба ужасно сокрушала бѣдныхъ тружениковъ, которые никогда не выходили за предѣлы своей земли и не посягали на чужую собственность. Но что было дѣлать, какъ избавиться отъ саранчи? Оставалось одно средство: молиться Богу и надѣяться на его милости. Добрые люди безпрекословно покорились печальной участи своей и, стараясь вытѣснить изъ сердца гнетущую ихъ тяжесть, всецѣло предались волѣ Творца. Не возражая ни единымъ словомъ ни противъ порабитителей, ни противъ женъ своихъ, которыя въ свою очередь начали угнетать ихъ съ цѣлью показать свои теперешнія права, бѣдные невольники часто скитались въ лѣсу, питаясь одними плодами изъ боязни попадаться на глаза къ повелителямъ. Такъ прошло два, три года. Въ это время господствующіе до того изнѣжились въ роскошной обстановкѣ и до того убѣдились въ рабѣствѣ побѣжденныхъ, что сбросивъ съ себя оружіе, начали предаваться однимъ удовольствіямъ. Виноградный сокъ замѣнили имъ воду и не оставалось ни одного пришельца, который къ вечеру могъ-бы держаться на ногахъ. Но при всемъ этомъ они сдѣлались еще взыскательнѣе къ тѣмъ, которые безпрерывными трудами удовлетворяли всѣмъ ихъ потребностямъ и прихотямъ. Въ заключеніе развратившіеся варвары начали предавать нѣкоторыхъ изъ нихъ истязаніямъ какъ-бы въ забаву женамъ.

Вотъ въ это только время страдальцы очнулись отъ усыпленія своего и начали совѣщаться между собою. Нѣкоторые изъ нихъ находили, что настало удобное время свергнуть тяжелое ярмо съ плечъ единодушнымъ внезапнымъ нападеніемъ на безжалостныхъ порабитителей. Для достиженія этой цѣли постановлено было, чтобы каждое селеніе избрало по одному распорядителю и чтобы эти послѣдніе сговорились-бы между собою, когда и въ какое время сдѣлать нападеніе на собственные дома, въ которые насильно ворвались коршуны и безжалостно издѣваются надъ ними.

Пока шли переговоры по этому поводу, къ берегамъ южной Тавриды подплыли враждебные корсары съ цѣлью поживиться невольниками. Испуганные распорядители, не желая подвергать жизнь свою опасности, немедленно вооружили рабовъ своихъ и приказали имъ защищать свою страну подъ страхомъ истязаній. Въ этомъ только и нуждались несчастные хозяева края. Занявъ все прибрежное пространство, они зорко слѣдили за враждеб-

ными кораблями и нигдѣ не допустили сдѣлать высадки. Когда опасность миновала, порабитители возвратились съ горь и рѣшились отпраздновать торжество веселымъ пиромъ; но лишь только слышались ихъ пѣсни и музыкальные звуки, вооруженные рабы сгруппировавшись въ толпы и, выслушавъ послѣднее приказаніе старшинъ быть безпощадными карателями, каждая партія направилась къ селу своему съ клятвою не покидать оружія до восстановления своихъ правъ.

Не думая ни о чемъ подобномъ господствующіе и въ эту страшную для себя минуту мечтали подвергнуть рабовъ своихъ насмѣшкамъ ихъ женъ и дѣтей. Съ этой цѣлью они выслали къ нимъ мѣшки съ приказаніемъ опуститься въ нихъ по шею и предстать въ такомъ видѣ предъ собраніе господъ.

— Хорошо было отвѣтомъ туземцевъ.

Но часъ спустя предъ пирующими явились грозные мстители съ обнаженными саблями и поражали ихъ безпощаднымъ образомъ. Обезумѣвшіе отъ страха бросились въ дѣса и горы, но ожесточенные хозяева преслѣдовали ихъ выстрѣлами изъ стрѣлъ и камнями. Тоже дѣлалось и по всѣмъ остальнымъ поселеніямъ. Преслѣдованіе это продолжалось и на другой день до того времени, пока не осталось на виду ни одного врага.

Изъ всего числа злодѣевъ только тысячѣ челоѣкамъ удалось укрыться въ обширной пещерѣ на Чатырь-дагѣ, извѣстной съ того времени подъ именемъ Винь-башъ-хоба. Но и здѣсь ихъ окружили туземцы, положившись не выпустить ни одного живымъ и довели до того, что томимые голодомъ они пожрали другъ друга. (*) Остались отъ нихъ только одни черепа, которые долго свидѣтельствовали объ этомъ событіи и заставили позднѣйшія поколѣнія прозвать этотъ гротъ тысячаголовымъ.

О р ф е л и н а.

На южномъ берегу Крыма въ виду Алушты и татарскихъ деревень Шумы и Демерджи существуетъ громадная скала оригинальной формы, именуемая названіемъ послѣдней деревни. Подъ нею туземцы и теперь указываютъ на зданіе, всецѣло погребенное въ землѣ, павшимъ съ вершины ея гигантскаго размѣра камнемъ.

Я осматривалъ это мѣсто съ цѣлью раскопать его, но противъ этого возстали нѣкоторые старики изъ боязни заслужить гнѣвъ Божій. Впослѣдствіи я узналъ отъ одного грека существующую легенду по поводу этого печальнаго событія. Передавая ее читателямъ моимъ я по возможности буду держаться точныхъ словъ разкащика.

„Всѣмъ намъ извѣстно, что въ Крыму не создано скалы выше

(*) У нѣкоторыхъ писателей разказано это событіе, какъ историческій фактъ, но мы не отвергая его, предпочитаемъ помѣстить въ отдѣлѣ легендъ классической части Тавриды.

Демердринской. Тамъ съ незапамятныхъ временъ Творецъ неба и земли создалъ двѣ громадныя колонны изъ каменной массы съ цѣлью, чтобы праведные и грѣшныя люди сознавали-бы свои дѣянія и вѣрили въ дѣйствительную заботливость о человѣчествѣ Правосуднаго Бога.

Высоко, высоко подымались надъ вершиною скалы эти священные столбы. Взойдетъ-ли солнце оно привѣтливо посылаетъ къ нимъ свои первые лучи и колонны раздвигаются, выражая этимъ благоволеніе Бога къ безпорочнымъ дѣяніямъ дневнаго свѣтила. Подуетъ-ли вѣтерокъ съ боголюбиваго востока онъ спѣшитъ облобызывать нерукотворныя колонны и получивъ отъ нихъ отрадную вѣсть Божьяго благословенія затѣмъ уже рѣзвою струею разольется по міру. Пробудится-ли на зарѣ могущественный *айтосъ* (орелъ) властитель птицъ небесныхъ—онъ преклоняетъ голову къ подножью священныхъ колоннъ и до тѣхъ поръ не приметъ полета, пока не раздвинутся колонны—счастливые благовѣстники Творца вселенной; вспорхнутъ-ли изъ гнѣзда молодая ласточка впервые на свѣтъ Божій, она предварительно прошебечетъ молитву у священныхъ столбовъ и потомъ уже пустится плавать по безконечному океану воздуха; покажутся-ли на небосклонѣ тучи небесныя—ни одна изъ нихъ не минуешь Демерджинской скалы, чтобы не поклониться свяченнымъ колоннамъ, воздвигнутымъ Господомъ на этой громадной возвышенности.

Но горе тѣмъ поклонникамъ, предъ которыми сожмутся священные столбы: проклетіе Всевышняго должно истребить грѣшника, онъ превратится въ уродливый камень и сто лѣтъ спустя будетъ сверженъ съ священной вершины въ бездонную пропасть и не отдохнетъ уже на этомъ черномъ камнѣ ни путникъ усталый, ни орлица раненная, ни филинъ зловѣщій, все будетъ чуждаться окаменѣвшаго грѣшника—даже червякъ и хищный змѣй минуютъ его съ прикрытыми глазами.

И вотъ на этой, достигающей до неба скалѣ за священными столбами, на зеленѣющей равнинѣ, внезапно явился обширный храмъ съ сияющимъ крестомъ. И видѣли жители подножія священной скалы сходящаго къ нимъ старца, убѣленного сѣдинами за подавленіемъ и думали они не угодникъ-ли онъ Божій, ниспосланный къ священнымъ прорицателямъ милости и гнѣва Творца вселенной, чтобы научить ихъ воздавать приличныя почести божественнымъ колоннамъ. Но праведный старецъ, покрытый рубищами, изнуренный тѣломъ, но бодрый духомъ, хранитъ въ душѣ тайну внезапнаго явленія своего. Ни чей языкъ не дерзаетъ спросить его кто онъ, откуда явился и кто ему повѣдалъ, что на отдаленномъ краю міра на неизмѣримой каменной высотѣ, прикрываемой пеленами тучъ, воздвигнуты священные столбы; никто не дерзаетъ полюбопытствовать: какою неестественною силою воздвигнуть въ дикой пустынѣ храмъ, поражающій грѣшныхъ людей и чудотворнымъ дѣйствіемъ и великолѣпною наружностію. И не разъ бывало любознательные обитатели подножія священной ска-

лы приглашали таинственного пришельца къ себѣ подѣ очагѣ, ласкаясь надеждою выслушать исповѣдь его, но старецъ говоритъ только о чудесахъ пострадавшаго за насъ Богочеловѣка и призываетъ ихъ къ покаянію.

Не разѣ бывало дѣвы безгрѣшныя, утоляя жажду изнуреннаго старца, возвращающагося изъ отдаленныхъ окрестностей, предлагали ему покойное ложе и просили повѣдать имъ свои нужды; не разѣ бывало малолѣтнія дѣти, научаемыя родителями, цѣлуя рубище его, спрашивали: кто онъ такой, какъ его зовутъ и зачѣмъ поселился на трудно досягаемой вершинѣ святой скалы? Но таинственный старикъ, благословляя ихъ на жизнь отрадную, уклонялся отъ отвѣтовъ. Между тѣмъ всѣ замѣчали, что съ того времени, какъ ступилъ на ихъ землю благочестивый старикъ въ народѣ поселилась дружба и любовь, почва и море начали доставлять баснословныя блага.

Но вдругъ не стало благочестиваго старца—хранителя священныхъ колоннъ. Напрасно его выжидали обитатели у подножія священной скалы съ утра до поздней ночи; напрасно они приносили къ источнику, куда обыкновенно сходилъ старикъ за водою, свѣжій творогъ и мягкій хлѣбъ. Увы, исчезъ безъ вѣсти таинственный служитель евангелическихъ истинъ. И подумали всѣ, что онъ покинулъ обитель свою и возвратился къ гробу Господнему, чтобы тамъ почить въ мирѣ. Потомъ имъ казалось, что Господь удалилъ его отъ нечестивыхъ грѣшниковъ, чтобы поразить ихъ несчастіями.

И не разѣ бывало томимые этою сокрушительною мыслию, со слезами на глазахъ и уже лишенные прежнихъ благъ почвы, они умоляли милостиваго Творца возвратить къ нимъ благочестиваго пустытника, утѣшавшаго ихъ могущественнымъ словомъ. Не разѣ бывало больные, которыхъ исцѣлялъ таинственный пришелецъ, падая навзничъ въ тяжкихъ страданіяхъ зывали къ скрывшемуся благодѣтелю своему, но тщетны были ихъ крики и слезы.

Тѣмъ временемъ, на кровляхъ жителей подножія священной скалы въ поздніе часы ночи началъ показываться неизвѣстно откуда прилетѣвшій огромный величины бѣлокрылый орелъ и прокричавъ страшнымъ голосомъ что-то въ родѣ хулы, исчезалъ въ мракѣ nocturno. Старики, пробуждаемые этимъ крикомъ съ ужасомъ подымались съ ложа своего, зажигали предъ ликами святыхъ угодниковъ лампы и горячо молились Господу о спасеніи ихъ отъ предстоявшихъ бѣдствій. Потомъ, снова прильнувъ головою къ подушкѣ, мечтали, что въ образѣ орла навѣщаетъ ихъ благочестивый странникъ и быть можетъ изъ состраданія предвѣщая гнѣвъ Божій, требуетъ всеобщаго покаянія. И опечаленные духомъ, богобоязливые обитатели подножія Демерджинской скалы до восхода солнца спѣшили стать на молитву въ деревенскомъ храмѣ.

Въ такомъ печальномъ настроеніи души находились древніе обитатели окрестныхъ селеній Алушты. Въ заключеніе они начали

терпѣть не только голодъ, но и безпрестанные набѣги корсаровъ и номадовъ, бродящихъ за горами. Несчастіе это заставило ихъ во что-бы не стало открыть причины исчезновенія благословеннаго старца. По рѣшенію старѣйшинъ обязаны были всѣ безъ исключенія взойти на поверхность скалы и пройти между священныхъ колоннъ. Предполагалось обвинить въ страшномъ грѣхѣ того, предъ кѣмъ сожмутся эти колонны.

Когда наступилъ урочный день, народъ послѣ выслушанія божественной литургіи, потребовалъ отъ духовника своего послѣдовать за ними къ священнымъ столбамъ, но онъ отказался, подъ предлогомъ сильнаго изнеможенія и скрылся въ своей хижинѣ. Всѣ же остальные съ пѣніемъ священныхъ молитвъ взошли на священную возвышенность и преклонивъ колѣна начали по одиночкѣ проходить промежъ славныхъ колоннъ. Послѣднею приходилось пройти молодой дѣвушкѣ, слывшей въ селеніи за самую честнѣйшую. Ее звали Орфелиною т. е. сироткою, потому что она не имѣла никого родныхъ и принята была за дочь деревенскимъ священникомъ. Орфелина по приказанію старѣйшинъ опустилась на колѣни и медленно начала подвигаться къ священнымъ колоннамъ. Народъ съ недоумѣніемъ слѣдилъ за судорожными движеніями чистѣйшей по его мнѣнію, дѣвы.

Приблизившись къ колоннамъ, Орфелина подняла глаза, налитые слезами къ небу и казалось страшилась сдѣлать лишній шагъ впередъ.

Народъ, замѣтивъ нерѣшительность сиротки зашумѣлъ и началъ торопить несчастную. Въ этотъ моментъ послышался какой-то подземный гулъ. Орфелина съ трепетомъ возвела глаза къ святому храму, на сіяющемъ крестѣ котораго внезапно появился бѣлокрылый орелъ—и быстро двинулась къ колоннамъ. Но прежде чѣмъ несчастной удалось вымолвить слово, священныя столбы сжавшись съ нею вмѣстѣ погрузились въ нѣдра скалы, а вмѣсто ихъ вылетѣлъ черный гигантскій камень, который съ страшнымъ шумомъ взвился къ небу и упалъ на зданіе деревенскаго священника, которое и исчезло подъ тяжестью его.

Тогда только народъ постигъ причину внезапнаго исчезновенія благочестиваго старца и страшный грѣхъ прелюбодѣянія духовнаго отца своего съ беззащитною сиротою, которой онъ далъ, предъ Богомъ, имя родной дочери.

Съ того времени не существуетъ на Демерджинской скалѣ ни какихъ слѣдовъ ни отъ храма, ни отъ священныхъ колоннъ, но зданіе съ грѣшнымъ іереемъ и камень, погрузившій ихъ въ землю, сохраняются навсегда въ примѣръ будущему человѣчеству.

Передаваемая нами легенда придумана греками. Теперь мы сообщимъ татарское преданіе относительно той-же скалы.

Демерджинская статуя.

Кому изъ посягателей Крыма неизвѣстна Демерджинская скала, эта гигантская возвышенность, у подножія которой зеленою лентою вьются фруктовые и виноградные сады Алуштинской долины? Скала эта замѣчательна у туземныхъ обитателей множествомъ баснословныхъ разсказовъ и бесспорно принадлежитъ къ числу самыхъ очаровательныхъ картинъ природы въ классической части Тавриды. Испещренная какими-то полуколоннами и какъ-будто развалинами дворцовъ, она гордо подымаетъ вершину свою къ облакамъ и какъ-будто съ ненавистью слѣдитъ за грознымъ моремъ, не разъ силившимся сокрушить ея бытіе.

Изучая все относившееся къ этому роскошному колоссу Крыма, я положительно былъ убѣжденъ, что, кромѣ греческихъ легендъ, должны существовать о немъ и татарскія мифическія преданія, потому что и этотъ народъ не совсѣмъ равнодушно смотритъ на величавыя игры природы. Но, увы, ни въ Алуштѣ, ни въ сосѣднихъ деревняхъ я ничего не могъ узнать даже объ оконечности Демерджинской скалы, представляющей вѣрное изображеніе каменной статуи, которую одни уподобляютъ татаркѣ, прикрытой чадрою, другіе — женщинѣ съ зачесаннымъ шиньеномъ, третьи — сфинксу и т. д.

Послѣ многихъ лѣтъ, прошедшихъ въ напрасныхъ распросахъ, я какъ-то случайно завелъ разговоръ съ однимъ хаджи изъ деревни Гурзуфъ о томъ, какимъ образомъ Крымъ перешелъ во власть русскихъ и почему крымскіе татары ласкаются надеждою, что страна эта вновь перейдетъ въ ихъ господство.

— Всему есть своя судьба и каждой странѣ прописана ея будущность, — отвѣчалъ хаджи. — Крымъ славится и въ наше время въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Хвалу эту я слышалъ собственными ушами отъ различныхъ мусульманскихъ сектъ, стекавшихся чуть-ли не со всего міра въ блаженную Мекку. Всѣ они сожалѣютъ, что такая роскошная для жизни страна изъята Аллахомъ изъ нашихъ рукъ. Но развѣ люди, ничтожная тварь Бога, вправѣ роптать противъ мудраго предопредѣленія Творца? *Хысметъ*, или судьба, есть законъ неизмѣнный и для солнца и для козявки. Да будетъ-же надъ нами святая судьба выраженіемъ воли Всемиловитѣйшаго и всѣхъ посланниковъ его на грѣшную землю! — Хаджи остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ: — По поводу присоединенія Крыма къ Россіи и какъ долго странѣ этой суждено оставаться во власти русскихъ, я передамъ вамъ одинъ изъ разсказовъ моего дѣда, который всегда приходитъ мнѣ на память, когда я проѣзжаю мимо Демерджинской скалы и глаза мои подымаются на юго-восточную оконечность ея, принявшую форму женской фигуры. Въ то злополучное время, когда въ Крымскомъ ханствѣ начались первыя смуты и неурядицы по проискамъ турецкаго правительства, а ханы наши созволили предавать забвенію законы пророка въ родѣ того, что для красоты брили бороды

и подвязывали подбородки чернымъ платкомъ, чтобы скрывать поступки свои отъ народа и строгаго духовенства или съ тщеславіемъ возлагать на себя иноверные ордена,—въ Алушту прибыть съ неизвѣстныхъ странъ какой-то дервишъ, поразившій всѣхъ святостью жизни и великими чудесами. Слава о дѣяніяхъ и предсказаніяхъ его быстро разнеслась по Крыму и дошла до Бахчисарая, гдѣ народонаселеніе болѣе другихъ томилось предчувствіемъ тяжелой зависимости отъ турокъ. Слухи эти заставили нѣкоторыхъ изъ представителей страны пріѣхать къ славному дервишу и допросить его о будущемъ назначеніи ханства. Благословенный Богомъ старецъ принялъ этихъ вельможъ очень сурово и долго не соглашался повѣдать имъ сокровенной тайны, но когда они поверглись предъ нимъ ницъ и, цѣлуя рюбища его одежды, начали умолять отъ имени всего народа, онъ изъявилъ согласіе на слѣдующій день стать на молитву и открыть всенародно то, въ чемъ нуждаются пославшіе ихъ. Бей и мурзы разошлись и собрались въ назначенный часъ къ дверямъ мечети. Вѣрный обѣщанію дервишъ явился предъ ними въ полдень и приказалъ мѣстному муллѣ пропѣть благовѣстъ на молитву. Когда собрались всѣ богобоязливые мусульмане, святой человѣкъ сообщилъ имъ настоящую причину ихъ приглашенія и просилъ быть особенно усердными къ сегодняшнему намазу (молитвѣ), имѣющему важное значеніе для разъясненія будущей судьбы ихъ царства.

— *Аллахъ керимъ олсунъ!* отвѣчала толпа и расположилась къ молитвѣ.

Дервишъ выступилъ впередъ и, поднявъ глаза къ небу, началъ напентывать какія-то таинственные слова. Не прошло и десяти минутъ какъ раздался страшный подземный ударъ, отъ котораго взбѣрилось и закипѣло море. Женщины и дѣти выбѣжали изъ домовъ своихъ и съ отчаянными криками призывали мужей и отцовъ. Молившіеся съ трепетомъ пали ницъ. Дервишъ возвысилъ голосъ. Послѣдовалъ второй болѣе сильный ударъ, отъ котораго многія постройки разрушились. Но когда святой началъ вертѣться и въ утомленіи упалъ на землю, всѣ окрестныя горы запрыгали на основаніи своемъ, а Демерджинская скала покрылась густымъ чернымъ дымомъ. Мрачное облако это исчезло только тогда, когда дервишъ снова поднялся на ноги. Но каково было изумленіе народа, когда на оконечности этой скалы точно вырвалась изъ земли каменная фигура въ образѣ женщины.

— Что это означаетъ? вскрикнулъ въ одинъ голосъ народъ.

— Это означаетъ то—отвѣчалъ дервишъ, обратившись къ визирямъ и агамъ—что царство татарскихъ хановъ скоро погибнетъ съ лица земли, и что въ подобіи этой статуи воцарится надъ вами христіанская царица и царство ея наслѣдниковъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока эта фигура останется несокрушенною Богомъ!

Дервишъ закрылъ лицо руками и моментально исчезъ изъ глазъ народа.

Предсказаніе его въ точности сбылось много лѣтъ спустя, когда Крымъ достался императрицѣ Екатеринѣ.

Деревня Искутъ.

Всѣмъ почти любителямъ исторіи извѣстно, что въ Тавридѣ обиталъ народъ Готскаго происхожденія, и что та полоса земли, гдѣ они поселились, называлась Готѳею. Этимъ именемъ, во времена Генуэзскаго господства въ Феодосіи съ XIII по XVI столѣтіе обозначалось на картахъ юго-восточная приморская полоса, начиная отъ Судака до Балаклавы. Затѣмъ намъ извѣстно, что Готы изъ Крыма ежегодно являлись въ Константинополь къ греческимъ императорамъ съ подарками и исполняли передъ ними какой-то національный танецъ подъ названіемъ *готиконъ*.

Изъ небольшого числа словъ, записанныхъ изъ ихъ нарѣчія и сохраненныхъ исторіею, намъ всего вѣрнѣе предполагать, что подъ именемъ Готѳовъ обитали здѣсь евреи, одно изъ іудейскихъ колѣнъ, удалившееся изъ Палестины послѣ присоединенія ея къ Римской имперіи. Предполагать же, что они были настоящіе Готы, отдѣлившіеся отъ общей массы войскъ Феодорика, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ въ такое время, когда все рушилось передъ ихъ появленіемъ, и что они могли остаться на жительство въ странахъ незавоеванныхъ,—можетъ показаться крайне невѣроятнымъ. Такъ или иначе, но вопросъ кого слѣдуетъ признавать за Готѳовъ Тавриды, до настоящаго времени не рѣшенъ. Извѣстно только, что въ Крыму, кое-гдѣ сохранились памятники о пребываніи Іудеевъ до Р. Х., но не единого признака отъ Готѳовъ.

Тщательно изслѣдуя прибрежное пространство между Судакомъ и Алуштою, я какъ-то невольно остановилъ вниманіе мое на названіи большого татарскаго селенія Искутъ. Названіе это ни въ какомъ случаѣ не могло быть придумано ни генуэзцами, ни греками и ни татарами, такъ какъ оно имѣетъ смыслъ и значеніе въ отношеніи къ мѣстности: *ist gut* или *истъ-кутъ* въ переводѣ съ нѣмецко-еврейскаго означаетъ *хорошее, удобное*. Не ясно-ли, что оно присвоено этой мѣстности народомъ, нашедшимъ его удобнымъ для мѣстожительства и говорящимъ этимъ языкомъ. Но былъ-ли онъ Іудейскаго или Готскаго происхожденія довольно трудно опредѣлить.

Изъ письменныхъ документовъ по этому поводу сохранилась нижеслѣдующая записъ Прокопія, бывшаго въ 562 г. при императорѣ Юстиніанѣ, константинопольскимъ префектомъ: „...императоръ огородилъ обитаемую Готѳами приморскую страну Дори, которая находилась тамъ же гдѣ Воспоръ, Херсонесъ, Алустонъ и Гурзовито и гдѣ искони обитаютъ Готы; не пожелавшіе слѣдовать за Феодорикомъ въ Италію. Они остались тамъ добровольно и нынѣ союзники римлянъ и содѣйствуютъ имъ въ военныхъ дѣлахъ по требованію императоровъ. Числомъ они доходятъ до трехъ тысячъ и всѣ превосходные воины и земледѣльцы.

Страна, въ которой они проживаютъ, не слишкомъ дика и сурова, но пріятна и приноситъ отличные плоды. Тамъ-же, гдѣ безъ труда можно было къ нимъ подойти, императоръ большими стѣнами преградилъ къ нимъ входъ...“

Если буквально вѣрить въ эту записъ, то Готы обитали въ Крыму въ той мѣстности, гдѣ расположено теперь татарское селеніе Искутъ, за которымъ дѣйствительно существуютъ признаки громадной стѣны.

Интересуясь всѣмъ этимъ, я, при всякомъ посѣщеніи Искута, употреблялъ всѣ усилія открыть въ преданіяхъ туземцевъ что-нибудь, могущее пролить свѣтъ на эту мрачную страницу этнографіи Тавриды. Но татаръ не легко вызвать на подобнаго рода разговоры, такъ какъ это не интересуетъ ихъ и считается неприличнымъ въ религіозномъ отношеніи. Приходилось выжидать счастливой случайности.

Однажды я намернулъ хозяину дома, въ которомъ я остановился на ночлегъ, что искутскіе татары — прямые потомки древнихъ грековъ. Предположеніе мое я основывалъ на запискахъ дѣда моего, свидѣтельствовавшего, что вскорѣ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, онъ нашелъ въ селеніи этомъ мусульманъ, не только говорящихъ на греческомъ языкѣ, но и соблюдавшихъ многія христіанскія требы и праздничныя постановленія. Замѣчаніе мое, повидимому, непріятно подѣйствовало на почтеннаго старика.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — вашъ дѣдъ и вы очень ошибаетесь въ томъ, что мы происходимъ отъ грековъ. Такихъ преданій у насъ не существуетъ. Намъ извѣстно только, что прародители наши поселились на этой мѣстности и оградилъ себя стѣнами и башнями отъ всѣхъ остальныхъ обитателей Крыма только для того, чтобы не имѣть съ ними никакого сношенія. Этому послѣдовали и мы въ виду того, что до настоящаго времени не имѣемъ ничего общаго даже съ ближайшими сосѣдями нашими, такими-же мусульманами. Если-же наши отцы говорили по-гречески, то это, вѣроятно, необходимо было для нихъ въ такой-же степени, какъ теперь русскій языкъ.

— Такъ, по мнѣнію твоему, въ Искутѣ искони обитали татары?

— Я этому не могу вполнѣ вѣрить, потому что, еслибъ мы отдѣлились отъ татаръ, между нами существовали бы имена, свойственныя мусульманамъ, издавна исповѣдывающимъ исламъ. У насъ же, какъ, быть можетъ, замѣтили и вы, нѣтъ ни Сеитовъ, ни Эмировъ, ведущихъ родъ свой отъ первыхъ калифовъ.

— Къ какому же народу вы относите себя?

— Этого я не знаю. Между нашими стариками сохранилось только сказочное преданіе, вѣроятно, много разъ переиначенное, что первые поселенцы Искута прибыли изъ Константинополя и не иначе, какъ по содѣйствію какого-то могущественнаго христіанскаго падишаха.

— Интересно было-бы знать, какимъ образомъ это могло случиться?

— Одинъ изъ стамбульскихъ царей, которому принадлежалъ въ то время Крымъ, однажды прогуливаясь въ окрестностяхъ своей столицы, прилегъ и заснулъ въ апельсиновой рощѣ. Пробудившись, онъ увидѣлъ около себя молодую дѣвушку, которая держала въ рукахъ ядовитую змѣю.

— Это что значить?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Это значить то, что мерзкая гадина эта хотѣла пробраться въ пазуху твою, но я во время подоспѣла и теперь наслаждаюсь не твоими, а ея страданіями.

— Такъ ты спасла мнѣ жизнь?

— Не знаю, можетъ быть,—отвѣчала дѣвица.

— А знаешь-ли ты, кто я?

— Нѣтъ, не знаю и не интересуюсь знать.

— Я царь, и поэтому хотѣлъ-бы вознаградить тебя.

— Награды твоей мнѣ не надобно. Я больше всего люблю апельсины, которые растутъ здѣсь въ изобиліи.

— Но, можетъ быть, я могу оказать какую-либо услугу твоимъ родителямъ?

— Объ этомъ надобно спросить у нихъ.

Сказавъ это, дѣвушка приложила голову змѣи къ землѣ и раздробила ее камнемъ.

— Я былъ-бы очень радъ,—сказалъ царь:—еслибъ ты узнала, въ чемъ нуждается твой отецъ?

— Пожалуй, я спрошу и передамъ тебѣ, если ты завтра придешь сюда.

На слѣдующій день, въ условленное время, падишахъ явился въ апельсиновую рощу и съ улыбкою подошелъ къ знакомой дѣвушкѣ.

— Ну, что тебѣ сказали родители? Могу-ли я быть имъ полезенъ?

— Да, можешь, но это не дешево тебѣ обойдется.

— Навѣрно дешевле, чѣмъ жизнь моя для меня стоитъ,—отвѣчалъ падишахъ.

— Мой отецъ проситъ тебя, чтобы ты переселилъ его съ единоплеменниками своими въ ту страну, которую онъ однажды видѣлъ и которая понравилась ему; но я не стѣмью назвать тебѣ этой земли. Мнѣ говорилъ только отецъ, что она принадлежитъ тебѣ.

— Въ такомъ случаѣ передай ему, чтобы онъ завтра пришелъ ко мнѣ. Желаніе его я исполню безотлагательно. Но чтобы онъ могъ безъ затрудненія достигнуть до меня, вручи ему этотъ перстень, который онъ долженъ показать моимъ служителямъ.

На слѣдующій день къ султану былъ допущенъ старикъ неизвѣстнаго происхожденія. Царь обнялъ его, какъ друга и, выслушавъ его просьбу, изъявилъ согласіе переселить его съ единовѣрцами въ Крымъ на собственный счетъ.

Недѣлю спустя множество судовъ были приготовлены для переселенія неизвѣстныхъ странниковъ съ ихъ семействами въ

отдаленную Тавриду. При прощаніи съ ними султанъ общалъ всегда оказывать свое покровительство, но съ тѣмъ, чтобы они присылали ежегодно къ тому дню, когда онъ спасенъ былъ ихъ дѣвучкою отъ жала змѣи, нѣсколько молодыхъ людей, которые выражали-бы радость свою пляскою національнаго танца.

Такимъ образомъ наши предки очутились на берегахъ Крыма. Искутская долина до того понравилась имъ, что всѣ они единогласно закричали на своемъ языкѣ *истъ-лутъ* и поселились здѣсь. Вотъ все, что мнѣ извѣстно; но если-бы наши предки принадлежали къ греческому племени, они не имѣли-бы надобности отдѣляться отъ нихъ и жить за высокими каменными стѣнами.

Пчелка.

Въ низменныхъ мѣстностяхъ южнаго Крыма растетъ въ дикомъ состояніи чрезвычайно оригинальное растеніе, цвѣтущее послѣ второй половины апрѣля. Туземцы называютъ его пчелкою неслучайно, а по изумительному сходству цвѣтка съ пчелою, которая какъ будто всѣми силами впиалась въ трехлиственный блѣдно-лиловый серебристый цвѣточекъ, съ жадностію выставившій къ ней свой ротикъ. Пчела эта съ поднятыми къ верху хоботкомъ, усами, крыльями и жаломъ, окрашена темно-кофейнымъ бархатнымъ цвѣтомъ съ насѣчками водяныхъ просвѣтовъ и представляетъ до изумленія естественное положеніе живой пчелы, впишейся въ медовую чашечку цвѣтка и навѣки слившейся съ нимъ. Такихъ цвѣтковъ на каждомъ стеблѣ бываетъ отъ 3 до 5.

Я уже говорилъ раньше, что восторженные обитатели южной Тавриды, всегда склонные къ воспроизведенію мифовъ и въ наше время, смотря на такую граціозную игру природы, не остались-бы равнодушно-молчаливыми зрителями и навѣрно придумали-бы какое нибудь чудо для разъясненія причины сверхъестественнаго явленія.

Вотъ небольшая легенда, выслушанная мною, когда я впервые остановилъ мое вниманіе на этомъ цвѣтѣ и желалъ поразить имъ мою услужливую хозяйку изъ первобытныхъ гречанокъ Тавриды.

— Не цвѣтку этому я удивляюсь—отвѣчала она—но тому событію, которое послужило поводомъ къ сотворенію его. Покойная бабушка моя, чрезвычайно любившая передавать намъ разнаго рода преданія старины, сообщила мнѣ, что цвѣтокъ этотъ называется мелиса (пчела) и впервые выросъ надъ могилою двухъ невинныхъ существъ, любившихъ другъ друга до полнѣйшаго самопожертвованія.

—Какимъ-же это образомъ случилось?

— У какого-то могущественнаго князя нашей страны была прелестная дочь, которая засватана была съ сыномъ сосѣдняго архонта чуть-ли не со дня рожденія. Дѣвучка эта никогда не видѣла жениха своего, но очень часто слышала отъ стороннихъ

лицъ о его свирѣпости и дурномъ обращеніи съ подданными отца. Мысль связать свою судьбу съ такимъ варваромъ не разъ заставляла ее плакать въ объятіяхъ матери и просить измѣненія печальной участи.

— Ничего не зависитъ отъ меня, моя любимая дочь,—отвѣчала немощная старуха—ты знаешь какъ строгъ и неумолимъ твой отецъ. Мои просьбы и слезы подѣйствуютъ на него только на переکورъ нашимъ желаніямъ и онъ изъ боязни, чтобы ненависть твоя къ жениху не усилилась, навѣрно поспѣшитъ выдать тебя замужъ. Попробуй дитя мое сама переговорить съ нимъ, авось онъ пожалѣетъ тебя.

Вскорѣ послѣ этого разговора съ матерью, прелестной дѣвушкѣ пришлось убирать голову отца, который оставшись очень довольнымъ ея заботливостію и усердіемъ, изъявилъ желаніе исполнить одну изъ просьбъ ея. Мелиса, обрадованная этимъ случаемъ, заявила, что ничего болѣе не желаетъ, какъ остаться навсегда при немъ въ дѣвичьемъ, независимомъ состояніи.

— Но я вѣдь не всегда могу жить—сказалъ князь—кто-же будетъ твоимъ защитникомъ послѣ моей смерти?

— Меня всѣ будутъ защищать, потому что я всѣмъ дѣлаю добро и лично помогаю.

— Нѣтъ дочь моя я не властенъ измѣнять назначенія женщины: ты должна выйти замужъ, когда потребуетъ этого твой женихъ. Проси у меня чего нибудь другаго.

— Я все остальное имѣю.

Одновременно въ небольшомъ стадѣ бѣлыхъ козъ, воспитываемыхъ Мелисою, не стало пастуха, случайно упавшаго въ пропасть. Отецъ ея назначилъ одного изъ молодыхъ людей взамѣнъ старика. Мелиса долго не рѣшалась навестить свое стадо, но однажды противъ воли направилась къ нему и до того была изумлена красотою пастуха, что рѣшилась заговорить съ нимъ и спросить кто его родители.

— Это моя тайна—отвѣчалъ юноша. Если-же я нанялся у твоего отца, то не скрою отъ тебя моей жажды видѣть тебя хоть разъ въ мѣсяцъ.

— Неужели это доставляетъ тебѣ такое наслажденіе?

— Еслибъ ты могла проникнуть въ мое сердце, то навѣрно вопросъ этотъ показался-бы тебѣ лишнимъ. Я смотрю на тебя съ благоговѣніемъ и ни съ чѣмъ не могу сравнить. Ты мнѣ мила какъ пчелѣ медовой цвѣтокъ, какъ амуру богинѣ любви, какъ чистой струя воды для жаждующаго, какъ воздухъ для животнаго.

— Гдѣ-же ты успѣлъ такъ очароваться мною?

— Я видѣлъ тебя во снѣ и издали пришелъ убѣдиться въ справедливости моего сновидѣнія.

— И ты рѣшился пасти моихъ козъ?

— Мнѣ сказали, что ты очень любишь этихъ животныхъ, а что ты любишь, то будетъ мило и для меня.

— Тебя не обманули. Я такъ люблю любоваться ими, что буду навѣщать ихъ по прежнему чрезъ день.

— Въ такомъ случаѣ я буду служить тебѣ долго.

— Не думаю, потому что мнѣ предстоитъ выхоть замужъ и вслѣдъ затѣмъ разлука съ родиною.

— Я послѣдую и въ новое отечество за тобою, если ты станешь держать козъ.

— Скажи мнѣ твое происхожденіе? Я слышу по голосу твоему, что ты сынъ благородныхъ родителей.

— Такихъ-же какъ и ты, но откуда прибылъ этого ты не узнаешь, потому что ты запродана уже отцомъ, а то что запродано, того не вернешь.

— Это правда—отвѣчала со вздохомъ Мелиса и присѣла на зеленую травку.

Тріафилъ расположился у ногъ ея. Долго они сидѣли молча, но глаза ихъ поминутно встрѣчались и говорили несравненно больше и искреннѣе, чѣмъ языкъ. На слѣдующій день княжна принесла молодому пастуху разныхъ сладостей и какъ наканунѣ провела съ нимъ нѣсколько часовъ. При прощаніи она снова спросила его о происхожденіи, но онъ поклялся, что не откроетъ его до того времени, пока она будетъ невѣстою другаго. Отвѣтъ этотъ настолько понравился Мелисѣ, что съ этой минуты она смотрѣла на прекраснаго пастуха своего, какъ на существо высшее и достойное обожанія.

Дальнѣйшія посѣщенія княжны своихъ любимыхъ козъ, нерѣдко находящихся въ отдаленіи отъ жилищъ, все болѣе и болѣе сближали эти два чудныхъ существа, а въ заключеніе они предались другъ другу безпредѣльною братскою любовью. При разлукѣ каждый изъ нихъ вытиралъ невольно выступавшія изъ глазъ слезы, какъ-бы изъ боязни, чтобы случайность не воспрепятствовала имъ вторично свидѣться.

Однажды Мелиса, противъ обыкновенія, пришла къ другу своему гораздо раньше и, падая въ объятія его, залилась горькими слезами.

— Это что означаетъ—заботливо спрашивалъ Тріафилъ—не обидѣлъ-ли тебя отецъ, или кто нибудь другой, желающій умереть отъ моей руки?

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, мой нѣжный другъ, какой ужасный сонъ мнѣ снился сегодня ночью. Я видѣла, будто женихъ мой пріѣхалъ и приказалъ намъ прыгнуть съ Айнетринскаго пшца*) и мы безъ всякаго возраженія взяли за руки и бросились въ эту страшную пропасть.

— Это навѣрно доказываетъ, что пріѣдетъ твой женихъ и увезетъ тебя—отвѣчалъ мнимый пастухъ—сердце мое давно уже чувствуетъ, что счастье наше непродолжительно.

— Неужели Богъ разлучитъ насъ? вскрикнула съ отчаяніемъ

*) Скала надъ Алупкою.

княжна. Неужели Онъ не видитъ какъ мы преданы другъ другу и какъ мы горячо молимся ему за доставленное счастье?

— Будущее неизвѣстно человѣку, но я въ глубинѣ души ласкаюсь надеждою, что мы будемъ принадлежать другъ другу во вѣки вѣковъ.

„Ты не ошибаешься!“ внезапно прозвучалъ въ гrotѣ, гдѣ сидѣли молодые люди, таинственный голосъ.

Тріяфилъ и Мелиса съ ужасомъ вскочили съ мѣста въ предположеніи, что кто нибудь, подслушавъ ихъ разговоры, издѣвается надъ ними, но ни въ гrotѣ ни въ окрестностяхъ его никого не оказалось. Изумленные друзья на этотъ разъ разлучились въ какомъ-то необъяснимомъ состояніи.

Тѣмъ временемъ женихъ Мелисы, рассчитавъ, что она достигла совершеннолѣтія, пожелалъ лично взглянуть на нее и прибылъ въ Таврику. Престарѣлые родители чрезвычайно обрадовались богатому и знатному зятю. Когда-же онъ заявилъ имъ, что невѣста вполне удовлетворяетъ его вкусу и желаніямъ и что намѣренъ не откладывать бракосочетанія, старики немедленно начали подготавливаться къ брачному пиршеству.

Слухи объ этомъ скоро дошли до Тріяфила, который не допускалъ такого быстрого измѣненія въ своей судьбѣ. Печальную вѣсть эту подтвердила ему и сама Мелиса.

— Да будетъ надо мною воля Божія—сказала она, прижимаясь къ другу—я увѣрена только въ одномъ, что послѣ разлуки съ тобою глаза мои не осушатся отъ слезъ. Ты для меня былъ и будешь дороже матери и отца, ты выше кровнаго брата и слаже нѣжной сестры. Предъ глазами моими ты вѣчно будешь рисоваться на зеленой полянѣ, окруженный бѣлыми козами, а уста упиваться ароматомъ твоихъ устъ. Конечно это будетъ одно только сновидѣніе, но сновидѣніе самое сладчайшее и единственное для утѣшенія моего.

— А мнѣ кажется, что мы никогда не разстанемся—отвѣчалъ пастухъ. Тоже самое мнѣ сказалъ вчера и одинъ изъ пастуховъ, съ которымъ я иногда встрѣчаюсь на горахъ, а онъ считается самымъ мудрѣйшимъ въ искусствѣ предсказывать будущее.

— Я не могу къ несчастію повѣрить твоимъ радужнымъ надеждамъ въ виду предстоящей свадьбы и отъѣзда моего изъ этой страны. Одно только можно допустить, что ты послѣдуешь за мною и мы, вѣчно принадлежавшіе другъ другу, будемъ видѣться издали.

— Предоставимъ Богу наше будущее—отвѣчалъ Тріяфилъ, крѣпко прижимая къ груди своей прелестную хозяйку, и уста ихъ слились по прежнему въ длинный поцѣлуй.

Мелиса ежедневно начала посѣщать друга своего. Отлучки ея конечно обратили вниманіе страстно влюбленнаго жениха и возбудили въ немъ желаніе убѣдиться, куда и зачѣмъ ходитъ Мелиса въ отдаленныя мѣста.

— Она чрезвычайно любитъ свое стадо бѣлыхъ козъ—заявилъ

отецъ—и съ дѣтства навѣщаетъ его. Я очень радъ, что это служить поводомъ къ ея прогулкамъ.

Женихъ не отвѣчалъ ничего, но ласкаясь надеждою сблизиться съ чуждавшеюся его подругою вдали отъ людей, рѣшился отправиться за нею въ надеждѣ расположить красавицу къ себѣ. Въ этихъ мечтахъ онъ проснулся раньше обыкновеннаго и, вооружившись какъ охотникъ, началъ выжидать минуты, когда Мелиса выйдетъ со двора. Княжна не заставила долго ожидать его, потому что послѣ легкаго завтрака сейчасъ-жѣ вышла изъ комнаты. Нѣсколько времени спустя послѣдовалъ за нею и женихъ, рѣшившійся скрыть отъ нея свою прогулку.

Часть спустя Мелиса, неподозрѣвавшая сторонняго наблюденія, была уже въ объятіяхъ Тріяфила и уста ихъ были крѣпко сомкнуты въ моментъ, когда подкрался къ нимъ князь.

Картина эта настолько возмутила властолюбиваго и ревниваго жениха, что онъ выхватилъ изъ калчана отравленную стрѣлу и что было силы выпустилъ ея изъ лука своего. Смертоносное оружіе пронзило насквозь обоихъ молодыхъ людей, но они остались въ объятіяхъ съ слившимися устами.

Жестокій сынъ архонда не возвращался болѣе къ родителямъ Мелисы.

День спустя разосланные на поиски люди сообщили князю о найденной дочери его. Несчастные родители поспѣшили на мѣсто, но всѣ усилія разнять два тѣла оказались напрасными. За нѣсколько минутъ до погребенія убитыхъ въ Тріяфилѣ узнавъ былъ младшій сынъ Скиоскаго царя Скирула, съ которымъ родители Мелисы были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ.

Молодые люди были похоронены въ сидячемъ положеніи въ одной могилѣ, надъ которою девять дней спустя появились въ большомъ числѣ цвѣты Тріяфила (трелиственника) съ Мелисою (пчелою) въ такомъ точно положеніи, въ какомъ поразила ихъ безжалостная рука.

Замокъ безчестія.

(Греческая легенда).

Въ тѣ времена когда Пароенить *) былъ важнымъ коммерческимъ городомъ въ Тавридѣ, къ нему стекались чуть-ли не со всего міра торговые люди. Слѣдуя имъ, посѣщали эту восхитительную страну и многіе любознательные архонты и царевичи, которые отъ праздности предавались здѣсь всевозможнымъ пиршествамъ и порокамъ въ полномъ убѣжденіи, что шалости ихъ навсегда останутся неизвѣстными родителямъ и подданнымъ. Вотъ эти послѣдніе, сговорившись между собою, построили громаднѣйшій замокъ съ банями, галереями, зеркальными стѣнами и фонта-

*) Нынѣ татарская деревушка того-же имени подъ Медвѣдь-горою.

нами, изъ которыхъ вмѣсто воды струилось чудное вино, не вдали отъ Паренита на величественной Карабагской горѣ, густо заросшей лаврами и кипарисами, съ которой видѣлось море на неизмѣримое пространство и откуда до Паренита и Алустона было не болѣе часа ѣзды.

При замкѣ этомъ состояли на постоянной стражѣ и службѣ около 80 человѣкъ отчаянныхъ молодцовъ, на обязанности которыхъ было и похищеніе самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ изъ поселеній Тавриды и всей прибережной полосы понта Евксинскаго. Число дѣвъ въ замкѣ не должно было быть менѣе 200, начиная съ 9 до 15 лѣтнаго возраста. Люди эти обязаны были тщательно заботиться о содержаніи и тѣлесной красотѣ плѣнницъ своихъ до пріѣзда господъ. Ихъ откармливали всѣми лучшими яствами міра, ежедневно купали въ молокѣ, натирали тѣло благовонными маслами и никогда не выводили на показъ дневному свѣтлу, чтобы не подвергнуть солнечному загару или вліянію морскаго вѣтра. Кромѣ этого ихъ учили пѣснямъ, танцамъ и гимнастическимъ играмъ.

Но кто были основатели этого величественнаго замка, никому не удалось узнать ихъ именъ. По предположеніямъ однихъ это были сыновья греческихъ царей, а по другимъ соображеніямъ это были архонты и цари, которые ежегодно желали проводить два, три мѣсяца на полной свободѣ вдали отъ подданныхъ и строгихъ проповѣдниковъ морали.

Такъ или иначе, но ежегодно 15 мая къ Карабагской скалѣ подходилъ громаднаго размѣра корабль, изъ котораго высаживалось нѣсколько таинственныхъ лицъ, которыя укрывались въ замкѣ.

Съ этого дня молчаливая мѣстность оживлялась постоянными звуками музыки и сотни купцовъ направлялись сюда съ лучшими произведеніями міра.

По истеченіи же лѣтнаго періода всѣ юныя восхитительныя плѣнницы замка вмѣсто того, чтобы быть возвращены въ отечество, по одиночкѣ вызывались въ нарочно устроенный павильонъ надъ неизмѣримою пропастію моря и здѣсь безжалостно предавались отсѣченію головы, какъ преступницы или какъ игрушки никому ненужныя. Послѣ чего гордые и недоступныя владыки замка отплывали неизвѣстно куда, а стража ихъ вновь пускалась странствовать съ цѣлью населить проклятое жилище новыми болѣе прекрасными созданіями.

Однажды къ Карабагскому замку противъ обыкновенія прибыло три судна и вмѣсто 8 или 10 гостей высадилось около 50 человѣкъ въ блистательныхъ костюмахъ. Три дня и три ночи сносились съ судовъ вина и различныя лакомства. Какъ только окончилась выгрузка, суда отплыли одно по направленію къ Херсонесу, а другое къ Судаку. Черезъ нѣсколько дней они возвратились и нѣкоторые пастухи видѣли, какъ съ нихъ спущено было много женщинъ связанными.

Кто онѣ были и откуда захвачены, никто ничего не могъ узнать. Только впослѣдствіи до жителей Парөөнита дошелъ слухъ, что изъ Херсонитскаго и Судгайскаго монастырей похищены были монахини и послушницы какими-то корсарами вѣроятно для продажи на рынкахъ Византіи или Египта.

Въ замкѣ снова начались празднества. Но на этотъ разъ нерѣдко прохожіе слышали невнятные стоны, какъ будто выходящіе изъ подъ земли. Слухъ объ этомъ вскорѣ достигъ до мѣстнаго митрополита и онъ вывелъ заключеніе, что въ подземельяхъ замка вѣроятно подвергаются насиліямъ одинокія и беззащитныя существа.

Представитель духовной власти рѣшился проникнуть въ это таинственное зданіе, увидѣть его жителей и узнать съ какою цѣлью они пріѣзжаютъ сюда ежегодно на непродолжительное время. Но лишь только онъ приблизился къ замку, его окружила вооруженная стража и, не принимая никакихъ объясненій, повергла въ темницу.

На другой день къ святителю вошелъ одинъ изъ гостей замка и спросилъ его: зачѣмъ онъ силился проникнуть въ то зданіе, куда не дозволенъ входить стороннимъ лицамъ?

— Я посѣтилъ васъ въ качествѣ духовнаго отца, обязаннаго знать своихъ прихожанъ и заботиться о благѣ ихъ душъ.

— Ты никогда не узнаешь ни ихъ именъ, ни ихъ отечества— отвѣчалъ неизвѣстный. Но вотъ тебѣ кошелекъ полный золота, которое употреби за наши грѣшныя души, и бѣги отъ насъ, дозволявшихъ себѣ одинъ разъ въ годъ юношескія шалости вдали отъ отечества. Въ противномъ случаѣ ты останешься въ этой темницѣ навсегда и тебѣ грозитъ голодная смерть.

— Я послѣдую твоему совѣту только тогда, когда ты пообѣщаешь, что отъ пороковъ вашихъ не заразится никто изъ моей паствы.

— Ты можешь быть увѣренъ въ этомъ, потому что мы никого не допускаемъ изъ мѣстныхъ жителей въ нашъ дворецъ.

— Еще одно слово и я уйду: поклянись, что ты и братья твои не нанесутъ ни малѣйшаго вреда жителямъ митрополии моей.

— Я никогда не призываю Бога въ дѣлахъ шалости, но дабудетъ по желанію твоему. Уходи-же поскорѣе, иначе товарищи и друзья мои, отъ праздности, могутъ насмѣяться надъ твоими сѣдинами.

Таинственный человѣкъ ударилъ въ ладоши. Два грозныхъ араба вошли и по приказанію его вывели почтеннаго митрополита изъ подземелья и, проводивъ за рощу лавровъ, приказали ему бѣжать безъ оглядки.

Но не прошло и мѣсяца послѣ этого дня, какъ вдругъ обитатели Парөөнита и окрестныхъ селеній поражены были необыкновенными явленіями въ природѣ. Невдали отъ Карабагской скалы разверзлась почва, откуда выступило на громадную вышину

пламя, сопровождаемое миллионами каменных ядеръ, которыя, большинствомъ падая на замокъ безчестія, съ ужасающимъ гуломъ низвергались въ бездну морскую. Когда-же вся постройка была превращена въ безобразныя развалины, послѣдовалъ страшный взрывъ, послѣ котораго ни осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ отъ существованія обители зла. Изъ всѣхъ бывшихъ въ замкѣ спаслась какимъ-то чудомъ только одна молодая дѣвушка, оказавшаяся дочерью Судакскаго архонта, которая и повѣдала благочестивому митрополиту какимъ образомъ она съ 20-ью монастырскими послушницами въ темную ночь была похищена изъ монастыря, какъ всѣ онѣ были доставлены въ этотъ вертепъ позора, какимъ подвергались насиліямъ и какъ въ заключеніе вывели ихъ на казнь, но прежде чѣмъ сѣкира палача поднялась надъ головою первой изъ нихъ, показался огонь небесный, сокрушившій всѣхъ злодѣевъ съ ихъ притономъ.

На чемъ основана эта легенда—трудно опредѣлить; но что Карабагская возвышенность была разрушена землетрясеніемъ до основанія и что изъ кратера вылетали округленные каменные ядра,—въ этомъ можетъ каждый любопытный убѣдиться при осмотрѣ окрестностей и прибережной полосы этой части Чернаго моря.

Ай-Тодорскій мысъ.

(Скала Св. Θεодора).

Этимъ именемъ обозначается на всѣхъ картахъ Чернаго моря скалистая возвышенность, не вдалекѣ отъ Алушки, извѣстная всѣмъ морякамъ, такъ какъ на ней построены прекрасный маякъ, освѣщающій большую часть ю.-в. побережья. Ученымъ археологамъ она также знакома, какъ мѣстность, богатая развалинами неразгаданныхъ пока памятниковъ отдаленныхъ вѣковъ. Изъ всѣхъ завѣщанныхъ исторіею свѣдѣній, только очень немногія намекаютъ намъ на существованіе въ Тавридѣ около Чимбало, теперешней Балаклавы, княжества Θεодорійскаго; но была-ли его резиденція на этомъ мѣстѣ, сохранившемъ свое названіе и до настоящаго времени или, верстъ за 25 къ востоку, подъ Медвѣдь-горой,—чрезвычайно трудно опредѣлить.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, разрѣшеніе котораго въ рукахъ будущихъ археологовъ, мы обратимъ пока вниманіе на народныя легенды, эти смутныя, но любопытныя повѣствованія о такихъ мѣстахъ, прошедшая слава которыхъ въ устахъ позднѣйшихъ поколѣній воспринимаетъ міеологическій метаморфозъ.

Ай-Тодорская возвышенность, начиная отъ развалинъ древней стѣны, мѣстами напоминающей циклопическую кладку, представляетъ много подземельныхъ построекъ, стѣны которыхъ штукатурены цементомъ, сохранившимся до настоящаго времени въ цѣлости. Были-ли онѣ *кавами* (погребамъ), какъ ихъ называли генуэзцы, или жилищами, или же гробницами древнихъ—опредѣ-

лить трудно. Между тѣмъ, простой народъ, никогда не затрудняющійся въ разрѣшеніи недоступныхъ его понятію предметовъ, придумалъ по этому поводу нѣсколько разнообразныхъ легендъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ наружнымъ формамъ этихъ построекъ. Вотъ одна изъ нихъ, разсказанная татаринѣмъ, работавшимъ у меня на раскопкахъ.

Однажды вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, я сидѣлъ надъ обрывомъ у моря и прислушивался къ страшному рокоту разъяренныхъ волнъ. Услужливому работнику почему-то показалось, что я могу упасть въ пропасть, если долѣ останусь съ устремленными внизъ глазами.

— Встань, ага, или отодвинься назадъ,—сказалъ онъ тихо:— Съ этого проклятаго мѣста многіе уже пали жертвою головокруженія, а недавно соскользнулъ туда нашъ пастухъ вмѣстѣ съ камнемъ, на которомъ сидѣлъ. Бѣднягу принесли домой съ треснувшимъ черепомъ и раздавленной грудью.

Машинально повиновался я его совѣту и поспѣшилъ навести рѣчь на интересовавшій меня предметъ.

— Сомнѣваюсь,—отвѣчалъ онъ—что бы въ этой ямѣ намъ удалось найти что-нибудь цѣнное: она, повидимому, много разъ раскапывалась до нашего съ вами рожденія. Но я убѣжденъ, что, если перейти на другое мѣсто, результатъ будетъ счастливѣе, въ особенности, когда не ищешь золота.

Татаринъ можетъ быть былъ и правъ, но мнѣ хотѣлось добраться до фундаментовъ постройки, чтобы составить себѣ понятіе о назначеніи ея. Когда я разъяснилъ ему цѣль моего предпріятія, пораженный татаринъ вскричалъ:

— И ради этого вы тратите деньги? Нѣтъ, ага, такъ не дѣлаютъ люди благоразумные, и я первый отказываюсь работать у васъ. Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ.

Боясь, чтобы онъ не взбударажилъ остальныхъ работниковъ, я поспѣшилъ за нимъ и, нѣсколько минутъ спустя, нашолъ его сидящимъ въ глубокомъ раздумьи подъ однимъ изъ большихъ можжевеловыхъ деревьевъ, которыя здѣсь достигаютъ замѣчательной высоты.

— О чемъ ты задумался?—спросилъ я заискивающимъ тономъ.

— Я думаю какимъ образомъ древніе обитатели этой мѣстности добывали себѣ воду,—надо имѣть большой умъ, чтобы заставить ее взобраться на такую высокую скалу. А что вода доходила до ихъ построекъ,—въ этомъ я сегодня убѣдился, найдя подъ землею глиняныя водопроводныя трубы. Нѣтъ, такихъ вещей не въ силахъ сдѣлать обыкновенный человѣкъ! Ясно, что здѣсь обитали гиганты съ богатырскими силами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ взглянуть на тѣ каменные плиты, которыя они клали на могилы отцевъ, братьевъ и женъ, или на одну изъ стѣнъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются скалы въ полторы тысяччи пудовъ.

Твое предположеніе отчасти справедливо, сказалъ я, чтобы

подстрекнуть его къ разсказу: — Ты вѣроятно кое-что слышалъ отъ родителей или стариковъ объ этой мѣстности?

— Было время, когда очень много говорили объ Ай-Тодорѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ русскіе построили на немъ маякъ и начали освѣщать его по ночамъ свѣтлымъ огнемъ, всѣ почти вѣдьмы и злые духи разбѣжались, и народная молва пріутихла.

— Видно духи не любятъ свѣта!

— Говорятъ, что первоначально они то и дѣло тушили огонь, но такъ-какъ съ солдатомъ справиться не легко, то нашли болѣе разумнымъ забрать всѣ скрытыя здѣсь сокровища и переселиться въ болѣе спокойныя мѣста.

— Въ чемъ-же заключались эти сокровища?

— Въ серебрѣ, золотѣ и драгоценныхъ алмазахъ.

— Должно быть они закопаны были богатыми людьми?

— Вотъ какъ передавали мнѣ объ этомъ: въ давно минувшіе вѣка семь юныхъ богатырей — родныхъ братьевъ, влюбились въ одну царевну и каждый сдѣлалъ ей и отцу предложеніе съ тѣмъ, что кого-бы изъ нихъ она не избрала въ мужья, остальные останутся на всю жизнь вѣрными и послушными ей братьями... „Вы всѣ такъ хороши собой — отвѣчалъ небогатый отецъ — что дочь моя затрудняется выборомъ. Остается единственное средство предпочесть того изъ васъ, которому удастся наполнить мои погребъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Предоставляю вамъ годовой срокъ на выполнение этого условія, которое не можетъ быть тягостнымъ для богатыря“. Добрые братья изъявили согласіе дѣйствовать за одно, чтобы красавица досталась одному изъ нихъ по жребію. Съ этою цѣлью они явились къ подошвѣ Ай-Петри, которая изобиловала тогда дорогими металлами и камнями и, построивъ на Ай-Тодорѣ множество погребовъ, принялись накладывать ихъ сокровищами. Оставалось еще нѣсколько недѣль труда для достиженія цѣли, какъ вдругъ братья получили извѣстіе, что невѣсту ихъ отецъ, вопреки договору, обручилъ съ какимъ-то принцемъ и намѣренъ выдать замужъ раньше опредѣленнаго срока. Извѣстіе это возмутило богатырей до такой степени, что, закрывъ входы въ погреба свои и, набросавъ на нихъ массы битаго камня, для отвлеченія подозрѣнія, они вооружились и направились къ невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы разгромить царство ея отца и взять ее какъ военную добычу. Узнавъ объ этомъ, хитрая царевна вышла къ нимъ на встрѣчу и, послѣ изъявленія восторговъ, увела ихъ въ свои чертоги. Затѣмъ ей нетрудно было увѣрить ихъ, что все слышанное ими несправедливо, и что она по прежнему молить Бога, чтобы труды ихъ увѣнчались успѣхомъ и предоставили ей счастье сдѣлаться женою одного изъ нихъ. Простодушные братья повѣрили ей и безумно увлеклись вихремъ всякаго рода празднествъ, которыя устраивалъ отецъ въ честь ихъ въ теченіе недѣли, какъ-бы желая выразить, что пріобрѣтенныя ими сокровища въ такой короткій срокъ, вполне заставляютъ его считать ихъ своими людьми.

ми. При этомъ жадный царь съ дочерью самымъ подробнымъ образомъ поразспросили о той мѣстности, гдѣ братья скрыли сокровища, какими путями удобнѣе проѣхать къ ней и по какимъ знакамъ отыскать входы въ подземелья. Три дня спустя, разнесся слухъ, что 7 богатырей найдены были мертвыми далеко за горс-домъ. Кто умертвилъ ихъ — осталось тайною; но вскорѣ послѣ свадьбы царевны стало извѣстно, что несчастные братья были отравлены жестокимъ царемъ, съ помощью дочери, и что раньше послѣдняго вздоха, они единогласно произнесли заклятіе надъ сокровищами своими для того, чтобы онѣ оставались въ распоряженіи злыхъ духовъ до того времени, пока найдется человекъ, который отмститъ за смерть ихъ, если не самимъ отравителямъ, то поколѣніямъ ихъ. Тѣмъ же, которымъ пришлось-бы, даже случайно, взглянуть на эти богатства, суждено было лишиться разсудка навсегда, чтобы не воспользоваться ихъ открытіемъ. Узналъ-ли о такомъ проклятіи царь съ дочерью или нѣтъ — неизвѣстно, но нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на Ай-Годорской скалѣ видѣли бѣгавшую молодую женщину, которая съ отчаянными криками бросилась въ море въ тотъ самый моментъ, когда гнались за нею роскошно одѣтые молодые люди. Полагаютъ старики наши, что эта была та самая царевна-отвратительница, которой понадобилось въ приданое богатство, накопленное обманутыми ею братьями. Насколько все это справедливо, добавилъ татаринъ, — я не стану призывать Бога въ свидѣтели, но клянусь вамъ пророкомъ, что духъ несчастныхъ богатырей не терпитъ на этомъ мѣстѣ женскаго пола: на моихъ глазахъ здѣсь потеряли окончательно рассудокъ двѣ молодой женщины, поселившіяся здѣсь: первая съ родителями, а послѣдняя съ мужемъ. Дай Богъ, чтобы этимъ и ограничилось проклятіе погибшихъ братьевъ и чтобы послѣдующіе смотрители маяка не привозили сюда новыхъ невинныхъ жертвъ для искупленія грѣха безжалостной царевны.

Окаменѣвшая бабка.

Въ небольшомъ прорѣзѣ скалистыхъ выступовъ противъ Крестовой горы, расположенной vis-a-vis съ бывшимъ дворцомъ Верхней Орланды, туземцы и многіе изъ любознательныхъ путешественниковъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаютъ взоры на колоссальномъ камнѣ, получившемъ приблизительное сходство съ фигурою пожилой женщины въ чепцѣ съ старомодными рюшами. Нѣкоторымъ изъ нихъ кажется забавною эта игра природы. Но Аутинскія *) старушки и теперь еще, если имъ приходится проѣзжать мимо этого мѣста, какъ только поравняются съ каменною бабушкою, осѣняютъ себя знаменіемъ креста и просятъ Бога о дарованіи покоя этому окаменѣвшему тѣлу.

Вотъ что придумано первобытными обитателями южнаго берега,

*) Селеніе Аутка находится около Ялты.

по поводу сходства этого камня съ пожилою женщиною: въ давно минувшее время, на этомъ мѣстѣ обитала, извѣстная во всемъ округѣ своимъ повивальнымъ искусствомъ пожилая бабка. Приобрѣвъ славу и богатство, эта одинокая старуха до такой степени была алчна къ серебру и золоту, что не иначе навѣщала больныхъ, какъ отобравъ предварительно всѣ цѣнныя вещи, если не оказывалось денегъ.

Народъ проклиналъ ее, но, при надобности, отдавалъ безъ возраженія все лучшее и дорогое, чтобы она поспѣшила на помощь къ женѣ, дочери или внучкѣ. И что-же? какъ только она переступала черезъ порогъ дома, больная чувствовала себя внѣ всякой опасности, а послѣ первыхъ-же прикосновеній ея рукъ, появлялся на свѣтъ Божій прекрасный, черноглазый ребенокъ.

Вотъ почему всѣ безъ исключенія, которымъ предстояла въ будущемъ надобность въ бабкѣ, спѣшили заблаговременно расположить ее къ себѣ различнаго рода подарками.

Въ одинъ вечеръ къ старухѣ этой подѣхалъ верхомъ молодой поселянинъ и постучалъ въ желѣзное кольцо у дверей.

— Кто тамъ? спросила она.

— Я, бабушка, пріѣхалъ за вами изъ сосѣдней Гаспры съ просьбою пособить бѣдной женѣ моей, которая ужасно мучится со вчерашняго дня.

— А какое ты привезъ отъ нея вознагражденіе за трудъ немощной вдовѣ?

— Бабушка, мы такъ бѣдны, что нерѣдко сидимъ безъ куска хлѣба. Все наше состояніе заключается въ одной лошадекѣ и коровѣ.

— Такъ вы желаете моихъ услугъ безъ вознагражденія?

— Васъ вознаградитъ за насъ Спаситель міра.

— Въ такомъ случаѣ, сынокъ мой, пусть и вамъ поможетъ тотъ-же Спаситель, а не я, бѣдная вдова, добывающая свое дневное пропитаніе собственными руками.

Какъ не просилъ ее молодой человѣкъ пожалѣть несчастную жену его, какихъ не предлагалъ личныхъ работъ—все было напрасно. Съ разбитымъ сердцемъ онъ возвратился домой и объявилъ родственникамъ жены, что никакимъ образомъ не могъ возбудить состраданія у жадной „кираманъ“ (бабки). Прошелъ еще день. На страшныя муки несчастной родильницы сбѣжались всѣ деревенскія старушки. Добрый священникъ открылъ въ храмѣ царскія врата и прислалъ къ больной для возложенія на нее свой поясъ. Но, увы, ничто не помогало; нужны были искусственныя средства и умѣніе опытной женщины.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи одна изъ старухъ, вынудивъ изъ уха своего единственную золотую серьгу и положивъ ее у ногъ страдальцы, обратилась къ остальнымъ присутствовавшимъ съ предложеніемъ пожертвовать кто что можетъ, для спасенія молодой женщины. Тронутыя ея доброжелательствомъ всѣ поспѣшили выложить изъ кармановъ все, что имѣли: кто мѣдныя

деньги, кто игольникъ, кто наперстокъ, бусы и т. п. Все пожертвованное собрано было въ узелокъ и молодой человѣкъ вновь поскакалъ къ бабкѣ.

— Я привезъ тебѣ вознагражденіе,—сказалъ онъ, постучавъ въ двери.

— А, ну посмотримъ, въ чемъ оно заключается? отвѣтила старуха, впуская гости въ хату.

Бѣднякъ подаль ей узелокъ. Бабка съ жадностью развязала его и начала пересматривать каждую вещь.

— Все привезенное тобою, сынокъ мой, дрянъ, ненужная мнѣ. Между ними только и есть годнаго золотая серьга. Но гдѣ же ея пара? ужъ не потерялъ-ли ты ее дорогою?

— Нѣтъ, бабушка, мнѣ дали ее только одну.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ придется съѣздить за подружкой ея. Въ противномъ случаѣ я не стану тревожить моихъ старыхъ костей. На что мнѣ одна серьга и кто ее купитъ у меня безъ пары?

Молодой человѣкъ не вытерпѣлъ и, бросившись къ ногамъ ея, началъ рассказывать какимъ образомъ собраны были эти вещи.

— До всего этого мнѣ нѣтъ никакой надобности, сынокъ мой. Я скажу только, что не послѣдую за тобою до того времени, пока ты не привезешь мнѣ пару къ этой серьгѣ.

— Но несчастная жена моя до того времени можетъ умереть!

— А мнѣ какое дѣло. Всѣ мы созданы для того, чтобы взглянуть только на міръ земной. Ступай-же, сынокъ мой, обратно въ свою хату и не тревожь немощную старуху. Я тебѣ сказала уже, что не выйду за порогъ до тѣхъ поръ, пока ты не привезешь другой серьги, а слезы и просьбы людей на меня никогда не производятъ состраданія. Иди же, иди съ Богомъ—и она захлопнула за нимъ двери.

— О, Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ поселянинъ и съ рыданіемъ пустился домой. Лишь только онъ передалъ жестокой отвѣтъ бабки, всѣ находившіеся у одра умирающей молодой женщины схватились за волосы и какъ-бы едиными устами вскрикнули:

— О, милосердая Панагія (Богородица), обрати эту безжалостную женщину въ каменную массу, чтобы дочери и внучки наши не заразились ея алчностью!

— О, Владычица небесная—произнесла и умирающая, поднявъ руки къ свѣтому лику—предай ее анаѣмъ и сдѣлай на вѣки-вѣчные не только трупомъ презрѣнія, но и камнемъ проклятія на дорогѣ проходящихъ!

Съ этими словами испустила послѣднее дыханіе свое несчастная страдалница.

Но въ ту-же минуту до слуха присутствующихъ неясно долетѣлъ чей-то отчаянный крикъ, соединенный съ гуломъ разрушенной скалы.

Всѣ осѣнили себя крестомъ и послали нарочныхъ узнать о происшедшемъ въ окрестностяхъ.

Посланные возвратились съ извѣстіемъ, что тамъ, гдѣ былъ домъ знаменитой бабки, нынѣ ничего не существуетъ за исключеніемъ выдвинувшагося изъ земли каменнаго колосса, имѣвшаго видъ престарѣлой женщины.

Тысячи проклятій снова посыпались изъ устъ слушательницъ. Вотъ съ того времени окаменѣвшее тѣло этой жадной и непреклонной старухи стоитъ неподвижно на мѣстѣ ея жительства. Никогда ни звѣрь, ни птица не расположится на немъ для отдохновенія. Молнія небесная не упадетъ вблизи этого проклятаго камня, чтобы сокрушить его, а если запоздалый, по незнанію, остановится около него на ночлегъ, то до первыхъ пѣтуховъ въ ушахъ его раздаются неизвѣстно откуда исходящіе стоны престарѣлой женщины.

Тополь, гранатъ и кипарисъ.

У поколѣній первобытныхъ народовъ Тавриды повидимому существовали убѣжденія, что всѣ почти животныя и растенія создались не путемъ естественнаго творчества, а вынужденнымъ вліяніемъ таинственныхъ силъ какъ-бы въ наказаніе за не соблюденіе божественныхъ заповѣдей.

Изъ множества записанныхъ мною разсказовъ по поводу этихъ убѣжденій, я разскажу какимъ образомъ появились въ Крыму тополь, гранатъ и кипарисъ.

„На Кучукъ-ламбатскомъ морскомъ прибрежьи *) проживалъ честный рыбакъ съ добродѣтельною женою, у которыхъ кормились всѣ почти сосѣднія бѣдныя вдовы съ своими малолѣтками. Это были чрезвычайно кроткіе и богобоязливые люди, но насколько ихъ уважали окрестные жители, настолько ненавидѣли ихъ трехъ дочерей за злость, безобразіе и поминутныя оскорбленія, наносимыя родителями.

Старшая изъ нихъ Тополина была чрезвычайно малаго роста, горбатая, неповоротливая и до такой степени любопытная, что взбиралась на кровли чужихъ хатъ, чтобы подслушивать чужія тайны и потомъ разглашать ихъ съ насмѣшками. Но всего ужаснѣе въ ней было то, что она день и ночь проклинала родителей своихъ за свое безобразіе и крошечный ростъ, которые подвергали ее насмѣшкамъ дѣтей.

Вторая Граната, помѣшавшаяся на розовомъ цвѣтѣ лица, тѣмъ-же угощала добрыхъ родителей за то, что они не уподобили ее розовому цвѣтку, чтобы всѣ проходящіе смотрѣли на нее съ восхищеніемъ.

Что-же касается послѣдней Кипарисы, которая была очень веселаго характера и обладала красивою наружностію, то подъ вліяніемъ сестеръ и она въ свою очередь оскорбляла упрёками родителей за то, что произвели ее на свѣтъ не ночью, а днемъ, вслѣдствіе чего она расположена безпрерывно прыгать и смѣяться.

*) Въ 14 верстахъ отъ Алушты.

Упреки и проклятія эти родители сначала переносили хладнокровно, но въ послѣдствіи у несчастныхъ не стало силъ. Получивъ полнѣйшее отвращеніе къ дочерямъ, они начали избѣгать встрѣчи съ ними. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ одно время, когда старики горячо молились Богу въ своей хижинѣ, къ нимъ ворвались всѣ три дочери и, вѣроятно подъ впечатлѣніемъ только что перенесенныхъ насмѣшекъ на улицѣ, начали не только поносить, но и бить ихъ.

— Боже смилуйся надъ нами! завопили, рыдая, немощные отцы и пали лицомъ на землю.

— Матерь Божія, неужели ты равнодушно можешь видѣть такіе страданія? заголосила старуха, ломая руки.

Лишь только произнесены были эти слова, какъ послышался чей-то таинственный голосъ:

Тополина, ты клянeshь родителей за то, что создана безобразною карлицею? Я послана вознаградить тебя. Ты сегодня-же будешь превращена въ высочайшее дерево, которое останется навсегда безъ цвѣтовъ и плодовъ. Твоя страсть все видѣть нынѣ удовлетворится, но помни, что ни одна птица, за исключеніемъ кровожаднаго ворона, не станетъ вить на тебѣ своего гнѣзда.

Потомъ голосъ перешолъ къ Гранатѣ.

„Тебя также послѣдуетъ участь твоей старшей сестры. Но изъ тѣла твоего вырастетъ другое растеніе съ кровавымъ цвѣткомъ, который будетъ держаться на стеблѣ долже всѣхъ цвѣтовъ, но я лишу его всякаго запаха. Всѣ будутъ, согласно желанія твоего, останавливаться и любоваться имъ, но никто не пригнется, чтобы понюхать его. Этого мало я заставляю тебя производить безобразные плоды съ безплодными сѣменами, которые будутъ трескаться чтобы показывать прохожимъ свой розовый цвѣтъ, но никого не насытить и не утолятъ ни чей жажды.

Затѣмъ, обратившись къ послѣдней сестрѣ, голосъ произнесъ:

„Кипариса и твои проклятія не останутся безъ возмездія. Ты хотѣла обратить на себя вниманіе людей печальнымъ видомъ и я рѣшила превратить тебя въ такое растеніе, которому не будетъ мѣста между живыми людьми. Ты будешь расти на кладбищахъ, между гниющими трупами и вѣчно слышать только одни стоны и вздохи отъ тѣхъ, съ которыми нѣкогда жила.“

Вслѣдъ затѣмъ какая-то не естественная сила выхватила трехъ сестеръ изъ подъ кровли родительской. Несчастные родители бросились на дворъ, чтобы еще хоть разъ взглянуть на плоть свою, но не увидѣли ничего болѣе кромѣ трехъ неизвѣстныхъ до этого времени деревьевъ, которыя и назвали именами своихъ злосчастныхъ дочерей.